

От Трои до Исландии: репрезентация прошлого в исландских псевдоисторических сагах

И. Г. МАТЮШИНА

Аннотация: Материалом для статьи послужили исландские псевдоисторические саги, к которым принято относить «Сагу о троянцах», «Сагу об Александре», «Сагу об иудеях», «Сагу о римлянах», «Саги о бриттах» и «Всемирную сагу». Ни одну из саг нельзя считать ни свободным пересказом, ни тем более переводом, т. к. повествование в них следует традициям саг об исландцах. Способы репрезентации прошлого обусловлены теми семантическими, композиционными, структурными инновациями, которые привносят создатели псевдоисторических саг под влиянием скандинавской саговой традиции: сокращениями риторически изысканных описаний, пропусками авторских отступлений, редукцией тех фрагментов текста, в которых в оригинале рассказчик явным образом вмешивается в текст. В псевдоисторических сагах прошлое передается как последовательность исторических событий (или событий, полагавшихся историческими) при помощи форм прошедшего времени, использованных для выражения предшествования во временной перспективе, и форм настоящего исторического времени, актуализирующих историю, изображающих прошедшие события как происходящие на глазах у рассказчика, создающих впечатление повышенной важности повествования. Создатели псевдоисторических саг («Саги о римлянах» и «Саги об Александре») наделяют функциями репрезентации прошлого речи персонажей, которые использовались в латинских оригиналах для характеристики действующих лиц, и видения, игравшие в латинских текстах профетическую роль. История в псевдоисторических сагах генеалогизируется, хронология осмысливается как топонимика, античные божества скандинавизируются, события мифического и исторического прошлого соплагаются с ситуациями из Библейской и античной истории. Хронологическая последовательность изложения позволяет рассматривать «Сагу о троянцах», «Сагу об

Александр», «Сагу об иудеях», «Сагу о римлянах» и «Саги о бриттах» как единую историю всего мира, объединяющую мифологическое и историческое прошлое. Создатель «Всемирной саги» не только стремится охватить своим повествованием важнейшие исторические события, начиная со дня Творения, но и включает в него упоминание об исландском годе Гицуре, наряду с греками, троянцами, римлянами, каролингскими императорами и Гогенштауфенами. Множественность источников, использованных создателями псевдоисторических саг, можно объяснить их стремлением заполнить лакуны в повествовании и выстроить хронологически последовательное изложение эпизодов, которое включает события, значимые для скандинавской и британской истории. С этой целью переложение Дарета в «Книге Хаука» дополняется фрагментами Вергилия и Овидия, а адаптация Гальфрида – каталогом уэссекских королей от Кэadwalла до Этельстана и «Прорицанием Мерлина», приписываемым Гуннлаугу Лейвссону. Наиболее семантически важной следует считать интерполяцию в «Сагах о бриттах» об уэссекском короле Этельстане, взявшем на воспитание Хакона (будущего короля Норвегии Хакона Доброго), сына Харальда Прекрасноволосого. Функция интерполяции состояла в соотнесении скандинавской истории с историей Британии, а династии правителей Норвегии с англосаксонскими королями, и следовательно, в легитимизации власти первых в Скандинавии и на Британских островах. Интерес составителей псевдоисторических саг к мировой истории, обусловивший разнообразие средств репрезентации прошлого, вызван их стремлением установить культурную связь между мифологическим прошлым европейских народов, считающих себя потомками троянцев, и историческим прошлым Исландии.

Ключевые слова: Исландия, псевдоисторические саги, родовые саги, историография, мифология, топонимы, мифологические имена, «Сага о троянцах», «Сага об Александре», «Сага об иудеях», «Сага о римлянах», «Саги о бриттах», «Всемирная сага»

Inna G. Matyushina
**From Troy to Iceland: Representation of the Past
 in Pseudohistorical Sagas**

Abstract: The present article analyses the means of preserving the past in Icelandic pseudohistorical sagas, which include *Trójumanna saga*, *Alexanders saga*, *Gyðinga saga*, *Rómverja saga*, *Breta sögur* and *Veraldar saga*. Ways of representing the past are determined by the semantic, compositional and structural innovations which the creators of pseudohistorical sagas introduce under the influence of the Scandinavian saga tradition. The narrative in pseudohistorical sagas is dominated not by characters but rather by events: descriptions of the internal world of individuals are superseded by the narration of their actions; introspective monologues disappear; authored digressions are omitted, which leads to a narrative detachment characteristic of the native sagas of the Icelanders. Direct speech is reduced to brief aphoristic statements, whereas periphrastic constructions and rhetorical formulas are omitted in order to clarify the narrative structure of the sagas. The creators of pseudohistorical sagas convey the past through sequences of historical events (or supposedly historical events) using forms of the past tense or Praesens Historicum, which helps them to visualise past events, to present them as happening before the eyes of the narrator and to attract the attention of the audience to their significance. In pseudohistorical sagas the function of representing the past is attributed to the speeches of characters (as in *Rómverja saga*), which

were endowed with a different function (of characterising heroes) in the Latin originals, as well as to dreams of supernatural beings (as in *Alexanders saga*) which had prophetic functions in the Latin texts. History in pseudohistorical sagas is genealogised: in the *Breta sögur* genealogy is used as a way of depicting past events, whereas toponymy is endowed with a chronological function. The creator of the *Trójumanna saga* employs mythological names as a means of representing history: events of the mythical and historical past are correlated with events of Biblical and Ancient history. The chronological sequence of presenting mythological and historical events makes it possible to regard *Trójumanna saga*, *Alexanders saga*, *Gyðinga saga*, *Rómverja saga* and *Breta sögur* as jointly forming a unified world history, bringing together mythological and historical past. The creator of the *Veraldar saga* not only composes a narrative of the whole history of the world, starting from the day of the Creation, but also includes into his world history the Icelandic lawspeaker Gizur Hallsson alongside the Greeks, Trojans, Romans, Carolingian emperors and the Hohenstaufen. The multiplicity of sources used by the creators of pseudohistorical sagas can be accounted for by their desire to fill in gaps in the narrative and build a chronologically sequential account of events significant for Scandinavian and British history. To this end, the narrative traceable back to Dares in *Hauksbók* is supplemented by fragments from Virgil and Ovid, whereas Geoffrey of Monmouth's adaptation is augmented by a catalogue of Wessex kings from Cadwall to Æthelstan and Merlin's Prophecy, attributed to Gunnlaug Leifsson. The most semantically important is the interpolation in *Breta sögur* about the Wessex king Æthelstan, who fostered Hakon (the future king of Norway Hakon the Good), the son of Harald the Fair-Haired. The function of the interpolation consisted in uniting Scandinavian history with the history of Britain, and the dynasty of the rulers of Norway with the Anglo-Saxon kings, and, consequently, legitimising the power of the former in Scandinavia and the British Isles. The compilers of pseudohistorical sagas seek to establish a cultural connection between the mythological past of European peoples, who consider themselves descendants of the Trojans, and the historical past of Iceland. By adapting Latin historical works in which the mythological past is represented as historical, the creators of pseudohistorical sagas contributed not only to the reception of the European cultural heritage with its notion of foreign (Trojan) descent but also to the creation of a new mythological past.

Key words: Iceland, pseudohistorical sagas, family sagas, historiography, mythology, toponyms, mythological names, *Gyðinga saga*, *Alexanders saga*, *Trójumanna saga*, *Rómverja saga*, *Breta sögur*, *Veraldar saga*

For citation: Матюшина И. Г. От Трои до Исландии: репрезентация прошлого в исландских псевдоисторических сагах // Graphosphera. 2023. Т. 3. № 1. С. 75–116. URL: <http://writing.igh.ru/index.php?id=2023-3-1-75-116>

DOI: 10.32608/2782-5272-2023-3-1-75-116

© И. Г. Матюшина, 2023.

Псевдоисторические саги, к которым обычно относят «Сагу о римлянах», «Сагу о троянцах», «Сагу о бриттах», «Сагу об иудеях», «Сагу об Александре» и «Всемирную сагу» (Würth 2005. P. 163), представляют собой свободные переложения латинских оригиналов. Из-за своей кажущейся неоригинальности псевдоисторические саги нечасто привлекают внимание ученых, исследования которых сводятся к анализу их

рукописей (Svanhildur Óskarsdóttir 2000. P. 11–59), источников (ср.: Þorbjörg Helgadóttir 1994–1997. P. 203–220; Wolf 1990. P. 140–155), изданий и переводов¹, параллелей с другими текстами (Groppe 2011. P. 48–60; Patzuk–Russell 2012; Ashurst 1999. P. 272–291), стилистики и переводческих приемов (Würth 1998. P. 35–118).

Основная тема псевдоисторических саг – репрезентация прошлого, однако, насколько известно, способы изображения исторических событий в этих сагах до сих пор не были выделены. Предлагаемая статья, посвященная изучению способов репрезентации прошлого в псевдоисторических сагах, призвана заполнить эту лакуну и объяснить, с какой целью создатели этих саг обратились к переводу латинских исторических текстов, избрав в качестве своих источников Первую и Вторую Маккавейские книги, труды Иосифа Флавия, «Алекса́ндреиду» Вальтера Шатильонского, «О разрушении Трои» Дарета Фригийского, сочинения Саллюстия и Лукана, «Историю королей Британии» Гальфрида Монмутского, «Церковную историю народа англвов» Беда Достопочтенного.

1. «Сага об иудеях» (линейное прошлое)

Во всех псевдоисторических сагах события прошлого обычно изображаются в линейной последовательности, как это происходит в «Саге об иудеях» («Gyðinga saga», ок. 1262–1263 гг.), которую Арни Магнуссон именовал «Иудейской историей» или «Историей Маккавеев» (современное название саги появилось в XIX в.)². Сага сохранилась полностью или во фрагментах в двадцати рукописях: сравнение основной рукописи AM 226 fol (1350–1360 гг.) с двумя другими ранними рукописями AM 655 XXV 4to (1300 г.) и AM 238 XVII fol (нач. XIV в.) показывает, что первоначальный текст был полнее, в основной же рукописи (AM 226 fol) он сокращен на треть. «Сага об иудеях» представляет собой прозаическое переложение неканонических источников, в частности латинского перевода Первой и Второй Маккавейской книги, комментариев к Библии Петра Коместора («Historia scholastica», ок. 1175 г.) и фрагментов из «Иудейских древностей» («Antiquitates Judaicae», ок. 93 г.) и «Иудейской войны» («De Bello Judaico») Иосифа Флавия³.

¹ Ср. издания «Саги о римлянах»: Rómverja saga 2010; Svala Lind Birnudóttir 2017; издания «Всемирной саги»: Cross 2012; «Саги о троянцах»: Trójumanna saga 1981; «Саги об Александре»: Alexanders Saga 2009; «Саги об иудеях»: Gyðinga saga 1995.

² О датировке «Саги об иудеях» см.: Wolf 1990. P. 140–141.

³ «Сага об иудеях» (AM 226 fol) состоит из трех частей, восходящих к разным источникам. Первые главы «Саги об иудеях» основаны на Первой Маккавейской книге, дополненной Второй Маккавейской книгой и комментариями Петра Коместора: глава 1 (1–4) соответствует Первой Маккавейской книге (1 Масс. 1:1–42); вторая глава (4–8)

Главная тема «Саги об иудеях» – хронологическое повествование о двухстах двадцати годах иудейской истории от Антиоха Епифана до прокуратора Иудеи Понтия Пилата. После вводной части, излагающей историю завоеваний Александра Македонского, распада его империи, основания Селевкидской монархии, в саге рассказывается о воцарении восьмого правителя в династии Селевкидов – Антиоха Епифана и его гонениях на веру и на народ иудейский. В первой части (гл. 1–21) повествуется о том, как Антиох осквернил святилища, разграбил Иерусалимский храм, захотел ввести языческое богослужение, обложил иудеев непосильной данью, разрушил дома и сжег города, однако священник Маттафия со своими сыновьями встал на защиту веры и отечества. Он убил иудейского мужа, принесшего идолам жертву, а затем и царского посланца, принуждавшего совершать жертвоприношения, разрушил жертвенник и скрылся со своими сыновьями в горах. Их примеру последовали другие благочестивые мужи и их семьи. Царское войско напало на них, но поскольку это совершилось в день субботний, благочестивые люди не стали защищать себя и погибли от рук врагов. Семейство Маттафии горько оплакивало их, но решило обороняться до конца, в какой бы день ни произошла их встреча с царским войском. Вокруг Маттафии сплотилось много воинов, они разбивали жертвенники, совершали обрезание, защищали закон от язычников. Перед смертью Маттафия поручил одному из своих сыновей, Иуде по прозвищу Маккавей (что значит «молот»), начальство над войском иудеев, состоявшем, как сказано в саге, из семи тысяч мужей. Иуда и его братья совершили много подвигов, возвратили народу свободу, свергли языческое иго и стали самостоятельными правителями иудеев. Впоследствии иудейский царь Ирод истребил владетельное племя Маккавеев. К тому времени Иудея уже стала римской провинцией.

Вторая часть саги (гл. 22–32) рассказывает о правлении Иоанна Гиркана, царя из династии Хасмонеев, добившегося для Иудеи независимости, завоевавшего Сихем и Идумею и присоединившего к Иудее

– 1 Масс. 1:43–67; третья глава (8–12) – 1 Масс. 2:1–3;9; четвертая глава (12–16) – 1 Масс. 3:10–4:27; пятая глава (16–18) – 1 Масс. 4:28–5:15; шестая (18–23) – 1 Масс. 5:16–68; седьмая (24–27) – 1 Масс. 6:1–42; восьмая (28–31) – 1 Масс. 6:43–7:18; девятая (31–35) – 1 Масс. 7:19–8:32; десятая (36–37) – 1 Масс. 9:1–27; одиннадцатая (37–40) – 1 Масс. 9:28–73; двенадцатая (40–42) – 1 Масс. 10:1–50; тринадцатая (42–43) – 1 Масс. 10:51–66; четырнадцатая (43–46) – 1 Масс. 10:67–11:19; пятнадцатая (46–47) – 1 Масс. 11:20–38; шестнадцатая (47–49) – 1 Масс. 11:39–66; семнадцатая (49–50) – 1 Масс. 11:67–12:38; восемнадцатая (50–52) – 1 Масс. 12:39–13:30; девятнадцатая (52–55) – 1 Масс. 13:31–14:49; двадцатая (55–57) – 1 Масс. 15:1–16:10; двадцать первая (57–58) – 1 Масс. 16:11–22. Главы 22–32 восходят к комментариям Петра Коместора; последние главы (33–38) основаны на житиях святых и апокрифических источниках (Wolf 1990. P. 140–155).

Самарию. Третья часть (гл. 33–38) повествует о рождении и смерти иудейского царя Ирода и описывает казнь Иоанна Крестителя. Заканчивается сага рассказом о том, как император Тиберий посылает Понтия Пилата в качестве прокуратора Иудеи. Описываются обстоятельства его назначения прокуратором против воли людей: Пилат повесил изображение Тиберия в Иерусалимском храме, чтобы все поклонялись ему, а потом забрал деньги у храма на строительство акведука; тогда вспыхнул мятеж, который был жестоко усмирен Пилатом при помощи посланных на толпу солдат со спрятанными ножами, убивших и искалечивших множество людей. После этого жители Иудеи написали письмо Тиберию, что не хотят видеть Пилата прокуратором. История жизни Понтия Пилата и его матери Пилы и отца Атуса (отсюда имя Пилатус) сменяется в саге изложением краткой биографии Иуды Искариота. В конце саги добавлен рассказ о том, как Пилат докладывает Тиберию, что именно произошло в Страстную неделю, после чего Тиберий пытается заставить сенат признать Божественное происхождение Спасителя, однако его постигает неудача.

Последняя глава (39) содержит краткий рассказ о римских императорах от Тиберия до Клавдия и заключение:

«Enn or latínu ok í norrænu sneri brandr prestr ions son. er síðan var byskup at holum. Ok sua alexandro magno. eptir bodi virduligs herra. herra Magnusar kongs. sonar hakonar kongs gamla» (Gyðinga saga 1995. XXXIX. 219).

«Но с латыни на норвежский перевел это, а также рассказ об Александре Великом, священник Бранд, сын Йона, который был позднее епископом Холара, по просьбе достойного господина Магнуса конунга, сына конунга Хакона Старого»⁴.

Упомянутые в заключительных строках имена священника Бранда Йонссона, епископа Холара (1263–1264 гг.), и конунга Магнуса Хаконарсона (взошедшего на престол в 1257 г.) позволяют датировать текст саги.

Выстраивая линейную перспективу в повествовании о событиях прошлого, создатель «Саги об иудеях» отдает предпочтение прошедшему времени, что можно заметить в рассказе об Александре, открывающем сагу:

«Alexandr hinn ríki ok hin mikli kongr. Þa er hann hafdi sigrat ok undir sik lagt allar þídir í heiminum sem fyrir var ritat. ok hann varr suikinn af sinum monnum. Þa skipti hann ríki sino med sinum

⁴ Здесь и далее (кроме специально оговоренного) перевод автора статьи. – И. М.

monnum xii. ok tok sina Alexandriam huerr þeirra. Þa er hann hafdi gera latit. ok af ser sitt nafn gefit. vrdi þo iiii agietaztir af þeim xii monnum. einn af þeim het Selericus. hans son var Anthiocus magnus. hann lagdi undir suk Egipta land. ok Gydinga land. sidan etladi hann at vinna undir sik oll þau riki er Alexandr kongr hafdi adr vinit. enn Romueriar hnektu honum. ok sor hann þeim eida at strida æcki astan yfir Taurum montem. Þeir toko af honum i gisling son hans. er het Antiocus illustris. ok hofdu med ser i Rom. enn eptir frettan dauda Anthiocus magnus. tok rikit eptir hann. Selericus brodir Anthiocus illustris» (Gyðinga saga 1995. I. 1–I. 4).

«Александр был могущественным и великим конунгом, когда он побеждал и подчинял себе все народы в мире, как было написано прежде. И он был предан своими людьми. Тогда он разделил свое царство между двенадцатью своими мужами, и каждый из них взял свою Александрию, как он повелел сделать, и дал ей свое имя. Однако из тех двенадцати людей четверо стали самыми знаменитыми. Один из них назывался Селевком, его сыном был Антиох Великий, он покорил страны Египет и Иудею. Затем он собирался завоевать все страны, которые конунг Александр завоевал прежде. Но римляне оттеснили его, и он принес им клятву не воевать на востоке от Таврских гор. Они взяли у него в залог его сына, который звался Антиохом Ученым, и держали его у себя в Риме. Но после известия о смерти Антиоха Великого, царство после него забрал Селевк, брат Антиоха Ученого».

Последовательность прошедших действий, предшествующих в хронологической перспективе времени повествования, передается формами прошедшего времени («побеждал», «подчинял», «был предан», «разделил»), с помощью которых обозначаются сначала действия Александра, а затем Антиоха Великого.

В повествовании об исторических событиях в «Саге об иудеях» прошедшее время перемежается с *praesens historicum* (настоящим историческим):

«Ok er Anthiocus fregn þat þa leitar hann brott leyniliga af Rom. Ok kemr austr I Syriam. Hann ferr leyniliga ok heimtir þo sem hann ma rikit undir sik. Litlu sidan deyr Selericus ok tekr þa rikit undir sik Anthiouchus illustris æ halfum fiorda tigi ara anars hundreds Girkia kongs rikis» (Gyðinga saga 1995. I. 5).

«И когда Антиох узнаёт об этом, то тайно отправляется прочь из Рима и прибывает на восток в Сирию. Он едет тайно и, насколько может, подчиняет себе царство. Немного позднее умирает Селевк, и тогда Антиох Ученый забирает власть себе на

половине четвертого десятка второй сотни лет (на 135 год. – И. М.) царствования конунгов греков».

Создатель «Саги об иудеях» устанавливает причинно-следственные связи между прошедшими событиями: Селевк приходит к власти, так как узнаёт о смерти Антиоха Великого; Антиох Ученый бежит из Рима, потому что Селевк становится правителем; из-за того, что Селевк умирает, Антиох Ученый захватывает страну. Каузальность изложенных исторических событий помогает создателю саги наметить последовательность звеньев причинно-следственной цепи и выстроить события в хронологическом порядке.

В приведенном фрагменте семантически важное событие – бегство Антиоха из Рима в Сирию после захвата власти его братом Селевком – отмечается временным перебоем: вместо прошедшего времени в саге начинает использоваться *praesens historicum* (или настоящее историческое)⁵. Подобные формы настоящего времени обычно интерпретируются в лингвистике как соотносящие ситуацию не с моментом речи, но с определенным моментом, который зафиксирован в контексте (ср.: Падучева 2010. С. 378). Этот момент, с которым соотносится форма настоящего времени, обозначен в процитированном фрагменте саги получением Антиохом известия о захвате страны Селевком, о котором сообщается в прошедшем времени: «enn eptir frettan dauda Anthiocus magnus tok rikit eptir hann Selericus» («Но после известия о смерти Антиоха Великого, царство захватил Селевк»). Употребление первых форм настоящего времени от глаголов, обозначающих событийность («Ok er Anthiocus fregn þat þa leitar hann brott» – «И когда Антиох узнает об этом, то тайно отправляется прочь...»), позволяет интерпретировать их как фоновые для последующих временных форм⁶.

Как замечали исследователи (Там же. С. 378), настоящее историческое невозможно в изолированном высказывании: в саге употребляется цепочка форм настоящего времени глаголов несовершенного вида,

⁵ Для обозначения форм *praesens historicum* Е. В. Падучева предлагает использовать термин «настоящее нарративное» и приводит пример из «Евгения Онегина», сходный с эпизодом из саги («Онегин выстрелил Пробыли | Часы урочные: поэт | Роняет молча пистолет, | На грудь кладет тихонько руку | И падает»), в котором форма прошедшего времени задает «некий временной момент, относительно которого локализуется форма настоящего исторического времени» (Падучева 2010. С. 376).

⁶ Обусловленность временной отнесенности видовым значением замечает Е. В. Падучева: «Что касается “цепочки” форм настоящего исторического, то в этом контексте временная отнесенность определяется видовым значением формы – процессным или событийным; процессное значение дает одновременность, событийное – последовательность» (Там же. С. 377).

обозначающих процессы (*fregna* – «узнавать», *leita* – «отправляться», *koða* – «прибывать», *fara* – «ехать», *heimta* – «требовать», *deyja* – «умирать», *taka* – «забирать»). Очевидно, основная функция употребления временных форм настоящего времени, не соответствующих контексту, отнесенному к прошлому, состоит в «актуализации прошлого»⁷. Введение настоящего времени в повествование о событиях прошлого способствует созданию повышенной эмоциональности повествования, помогает изобразить прошедшие события как происходящие на глазах у рассказчика и привлекает к ним внимание аудитории⁸. Хотя эмоции в саге явно не выражены и вмешательство рассказчика эксплицитно не проявляется, временной перебой позволяет ощутить присутствие повествователя и особенную важность тех событий, о которых идет речь.

В повествовании о событиях прошлого «Сага об иудеях» следует стилистике саг об исландцах, в которых риторические приемы, такие как сравнения и метафоры, встречаются редко. Метафорические выражения, сравнительные обороты и ветхозаветные формулы обычно заменяются простыми синонимами: например, латинское выражение из Первой Книги Маккавеев «*et appositus est ad patres suos*» («и отправился к своим праотцам» – I Макк. II. 69) отражается в «Саге об иудеях» как глагол с наречием «*ok andadiz sidan*» («и потом умер» – *Gyðinga saga* 1995. XI. 25); вместо формулы «*filiis Israel*» («сыны Израиля» – I Макк. VII. 23) используется одно слово «*fólk*» («народ» – *Gyðinga saga* 1995. XXXI. 22); сравнительный оборот «*exercitum, sicut arena quae est circa oram maris*» («войска, подобные пескам, что лежат на морском берегу» – I Макк. XI. 1) превращается в саге в простое предложение «*kongr samnar nu lidi sua miklu at trautt kom tolu a*» («конунг сейчас собирает такое большое войско, что его нельзя было исчислить» – *Gyðinga saga* 1995. XLV. 7). Пропуски объясняются, скорее всего, не столько тем, что скандинавский переводчик оказался не в состоянии проникнуть в смысл латинского текста, сколько его стремлением к сознательной

⁷ Об актуализации прошлого пишет А. В. Бондарко: «С точки зрения грамматики важно то, что контекст указывает на прошлое, а грамматическая форма – на настоящее. Средством актуализации прошлого является сама грамматическая форма настоящего времени. Грамматическое значение этой формы в данном употреблении сохраняется, однако в результате столкновения с контекстом грамматическое значение настоящего в данных условиях выступает в особом, переносном варианте: действие лишь изображается так, как будто оно настоящее, – на самом же деле оно относится к прошлому» (Бондарко 1971. С. 143–144).

⁸ Подсчеты показывают широкую распространенность временных перебоев, обуславливающих актуализацию прошлого в «Саге об иудеях»: в первой главе используется 46 форм настоящего исторического времени на 63 формы прошедшего; во второй – 29 форм на 73.

трансформации оригинала, состоящей в максимальной жанровой ассимиляции исторических сочинений под воздействием доминирующей скандинавской литературной традиции. Целью редуцирования риторических приемов, очевидно, было прояснение повествовательной структуры саги, предназначенной для изображения событий прошлого. Рассказывая об исторических событиях, создатель «Саги об иудеях» не исключал себя из творческого процесса пересоздания своих источников, в котором он руководствовался собственными вкусами и требованиями аудитории.

2. «Сага об Александре» (видение как способ репрезентации прошлого)

Если в «Саге об иудеях» истории завоеваний Александра Македонского была посвящена лишь вводная часть, то в «Саге об Александре» («Alexanders saga») она становится главной и единственной темой. «Сага об Александре» основана на латинской эпической поэме «Александрейда» («Alexandreis», ок. 1180 г.) Вальтера Шатильонского, в свою очередь восходящей к «Истории Александра Великого» («Historia Alexandri Magni») Квинта Курция Руфа. В основной рукописи саги, хранящейся в Арнамагнеанском собрании (AM 519a 4to, 1280 г.), утрачены два листа; фрагмент саги сохранился в рукописи AM 655 XXIX 4to (ок. 1300 г.); сокращенный вариант саги вместе с переводом «Послания Александра Аристотелю» («Epistola Alexandri ad Aristotelem») дошел до нас в рукописях: AM 226 fol, Stock. Perg. 4to nr. 24 (сер. XV в.), AM 225 fol (нач. XV в.)⁹. Из десяти книг оригинала наиболее полно отражены книги 2–6, первая и последние книги сильно сокращены. В конце саги в рукописях AM 226 fol, Stock. Perg. 4to nr. 24 добавлена приписка, что с латыни сагу перевел епископ Бранд Йонссон («Епископ Бранд Йонссон, который перевел эту сагу с латыни на северный язык» – «Brandr byskup Jonsson er sneri þessi sögu or latínu ok inngrænu») ¹⁰. Предполагается, что сага была переведена ок. 1260 г. (о датировке «Саги об Александре» см.: Middel 2014. P. 133; Ashurst, Vitti 2011. P. 315–322).

Как и в «Саге об иудеях», в «Саге об Александре» эпизоды, относящиеся к прошлому, обычно изображаются в линейной последовательности. «Сага об Александре» повествует о событиях, изложенных в «Александрейде», сохраняя ее композицию, структуру и деление на десять частей (книг) и ссылаясь на первоисточник («segir meistare Galterius» – «как говорит господин Вальтер»). В повествовании о событиях прошлого создатель саги использует преимущественно прошедшее

⁹ Описание рукописей и датировку «Саги об Александре» см.: Alexanders saga 1966. P. vi–xxvii.

¹⁰ О епископе Бранде Йонссоне см.: Tryggvi Fórhallsson 1923. Bls. 1–22.

время, однако допускает и настоящее историческое время, например, «nu gerir Alexander i mote því er flestir etlodo oc gefr Poro grið. loetr alla stund a leggja at læsna hann...» («теперь Александр действует противно тому, как многие ожидали, и дает Пору мир и делает все возможное, чтобы позаботиться о нем и вылечить его» – Alexanders saga 1925. IX. 138); «Vm þann atburð ræðir sva meistare Galterus» («Господин Вальтер так говорит о этом происшествии» – Alexanders saga 1925. II. 37); «En nu reðr Alexander londom með fatœki sitt uruggir oc frials fire fiarens ahyg-gjo...» («А теперь Александр правит этими странами, хотя и в бедности, но безопасно и свободно от денежных трудностей» – Alexanders saga 1925. IV. 60); «En Alexander konungr bregðr ecke œtlan sinne at helldr fyrir ogð hans» («Но Александр конунг не нарушает своих намерений, даже несмотря на его слова» – Alexanders saga 1925. VIII. 128–129). Основная функция настоящего исторического состоит в выделении наиболее важных событий прошлого (например, вопреки ожиданиям, Александр не нарушает своих намерений, он заботится о Поре, помогает его вылечить) и привлечении к ним внимания аудитории.

Повествуя о событиях прошлого, создатель саги пропускает всё, что затрудняет их восприятие для аудитории, например, обращение к Вильгельму Белых Рук, французскому кардиналу, архиепископу Реймскому (правнуку Вильгельма Завоевателя), которому посвятил свой труд Вальтер Шатильонский, и пролог, обращенный к музе («Муза, расскажи о деяниях предводителя македонцев, известного всему миру, расскажи, как он расширил свою власть, какими силами он победил Пору и Дария, и как под его властью Греция озарилась улыбкой победительницы, и дань пошла из Персии до Коринфа» – Alexandreis I¹¹). Пропуск авторских отступлений, редукция тех фрагментов текста, в которых в оригинале рассказчик явным образом вмешивается в текст, ведет не только к значительной конденсации текста, но и к отстраненности всего изложения, характерной для саг об исландцах.

Вместо обращения и пролога создатель «Саги об Александре» вставляет рассказ о генеалогии героя, начиная свое повествование в стиле исландских родовых саг: «Darius hefir konungr heitið er reð fyrir Serklande hann var agefr konungr...» («Дарием звался конунг, который правил Серкландом. Он был знатным конунгом...» – Alexanders saga 1925. I. 1). Создатель саги рассказывает о том, что настоящим отцом Александра мог быть не правитель Греции Филипп, но Нектанеб (в саге «Нептанаб»), египетский фараон, который мог благодаря заклинаниям (*galdrar*) провести ночь с матерью Александра, царицей Олимпиадой.

¹¹ Все цитаты из «Александрейды» приводятся по изданию: Galteri de Castellione 1978.

Однако, как утверждает создатель саги, деяния Александра свидетельствует о том, что он был сыном царя, а не незаконным отпрыском Нептанаба (вероятно, создатель саги не принимает во внимание того, что египетский фараон Нектанеб тоже был царского рода). Если в «Александрейде» имя убийцы Павсания упоминается лишь мельком («Когда после гибели моего отца Греция колебалась от горя, а Павсаний заплатил за свое преступление, и смерть последовала за смертью...» – *Alexandreis* 1. 503), то в саге добавляется объяснение причины, по которой Павсаний убил Филиппа: он жаждал завладеть женой Филиппа, царицей Олимпиадой. Несмотря на стремление изложить события прошлого, установив их каузальные связи, создатель саги не распространяет рассказ о мести Александра за убийство отца. В соответствии с традицией родовых саг он амплифицирует рассказ о родословной героя, делая ее более функционально значимой, чем в «Александрейде».

Перефразирование в «Саге об Александре» обычно ведет к редукции текста, в частности в тех случаях, когда перифрастические сочетания и риторические парные формулы заменяются одним словом: например, вместо словосочетания «*custosque salutis*» («страж здоровья» – *Alexandreis* II. 221) в «Саге об Александре» употребляется одно слово «*lækni*» («врач» – *Alexanders saga* 1925. XXV. 130); формульное выражение «*quam bello hostique terendo*» («чем для боя и для сокрушения врага» – *Alexandreis* II. 413) сокращается в саге до одного слова с предлогом «*en bardaga*» («для боя» – *Alexanders saga* 1925. XXXIII. 198). Вместо отрицательных перифрастических конструкций в псевдоисторических сагах используются краткие утвердительные: «*non mediocris furor*» («не средняя ярость» – *Alexandreis* II. 284) превращается в «*mikit urap*» («большая ярость» – *Alexanders saga* 1925. XXVIII. 190); «*tenebrisque perhennibus addant*» («и предать вечной темноте» – *Alexandreis* II. 33) сокращается до «*i prisund setia*» («поместить в тюрьму» – *Alexanders saga* 1925. XIX. 106). Основная цель редуцирующих замен, вероятно, состоит в прояснении смысла и фокусировании внимания на изображении прошедших событий.

Не привлекают внимания создателя «Саги об Александре» и риторически изысканные описания природы, одежды, внешности. Так, в саге полностью пропущено изображение цветущей плодородной долины, где Максимиан разгромил восточные легионы:

«*Hic mater Cybele, Zephirum tiri, Flora, maritans / Pullulat, et uallem fecundat gratia fontis, / Qualiter Alpinis spumoso uertice saxis / Descendit Rodanus, ubi Maximianus eos / Extinxit cuneos cum sanguinis unde meatum / Fluminis adiuuit fusa legione Thebea /*

Permixtusque cruor erupit in ethera spreto / Aggere terrarum totumque rigauit Agaunum» (Alexandreis II. 317–324).

«Здесь, мать Кибела, твоя Флора стала невестой Зефира и расцвела, и благодаря источнику, долина стала плодородной, подобно Роне, стекающей с Альпийских гор пенистым водопадом, где Максимиан разбил восточные войска и, когда он разгромил легионы людей, поток крови укрепил течение реки и, когда кровь смешалась с водою, она выплеснулась вверх, попирая земной оплот, и залила все в Агауне».

В изображении событий прошлого описания природы, одежды, внешности не играют существенной роли, поэтому опускаются создателем саги как затрудняющие восприятие нарративной структуры саги.

Создатели псевдоисторических саг упрощают и сокращают любые описания, не участвующие в повествовании о событиях прошлого. «Сага об Александре», например, редуцирует подробное описание исцеления героя, занимающее пять строк в «Алекса́ндреиде»:

«Inde ubi transmissum medicamen ad intima uenas / Imbuit, emeriti perierunt semina morbi. / Exhilarat uultum color et pallore perempto / Emergit facies niueo liquefacta rubore. / Mens redit, et uirtus rediuua renascitur intus (Alexandreis II. 245–249).

«Когда лекарство достигло его внутренних органов и наполнило его вены, семена болезни прошли свой путь и погибли. Краска разлилась по его щекам, и когда его снежная бледность исчезла, появился здоровый цвет лица. Его дух возродился, и обновленные силы вновь закипели внутри него».

В «Саге об Александре» это пространное описание заменяется всего одной фразой: «*Eptir tekenn dryk før konungr heilsu sina oc slikan styrç afls oc hugar sem hann hafre fyr haft*» («Приняв лекарство, король обретает свое здоровье и такую силу тела и духа, какой у него никогда не было раньше» – *Alexanders saga* 1925. XXVI. 131). В подобных случаях создатель саги сам замечает, что его повествование «*sem her er nu nokkot brevat af*» («здесь теперь несколько сокращено»). Сокращения описаний в «Саге об Александре» можно объяснить тем, что ее создатель сознательно стремился облегчить для аудитории восприятие повествования о событиях прошлого.

Организуя историческое повествование, создатели псевдоисторических саг заменяют эмоционально-приподнятые описания отстраненно-объективными. Так, создатель «Саги об Александре» упрощает и сокращает эмоциональное обращение к Фортуне, содержащее в «Алек-

сандреиде» пространно сформулированный риторический вопрос и множественные сравнительные обороты: «*Improba mobilior folio Fortuna caduco, / Tygribus asperior, diris immitior ydris, / Thesiphone hossidior, monstroque cruentior omni, / Cur metis ante diem florentes principis annos?*» («Фортуна, более изменчивая, чем падающий лист, более свирепая, чем тигры, более беспощадная, чем ужасные гидры, более страшная, чем Тесифона, более кровожадная, чем любое чудовище, почему ты срезала годы нашего предводителя в цветении и прежде срока?» – *Alexandreis* II. 175–178). Из этого пространного обращения к Фортуне создатель «Саги об Александре» сохраняет лишь одно сравнение и один краткий вопрос: «*þu en unstaðuga hamingja hvivetna grimmare segja þeir fyr hvi villtu røna konungenn þegar sva dyrlego life sem hann hefir haft*» («Ты, непостоянная судьба, более суровая, как говорят, чем все другое, почему ты хочешь похитить нашего конунга так рано из его дорогой жизни, которую он вел?» – *Alexanders saga* 1925. XXIV. 146). Пропуск риторических сравнительных конструкций можно объяснить и трансформацией поэтического текста оригинала в прозаический текст саги, сближающей его с исконной саговой прозой, и стремлением сделать исторические сочинения более доступными скандинавской аудитории.

В «Саге об Александре» функцией репрезентации событий прошлого наделяется видение, игравшее в латинском оригинале пророческую роль¹². Это функциональное изменение достигается благодаря семантической и структурной трансформации сцены видения, описывающей явление небесного посланца, который предсказывает будущее величие героя. Изложение прошлых событий предвосхищается предсказанием событий, которые по сюжету еще только должны произойти, но уже известны аудитории как события прошлого. Если в «Александрейде» сцена явления небесного посланца включает рассказ о горе Александра после смерти отца, о его неуверенности в собственных силах, о его сомнениях в том, преследовать ли ему врага или охранять отечество («*incertus sequererne hostes patriamne tuerer*» – *Alexandreis* I. 509), то в саге описание эмоционального состояния героя полностью отсутствует. Явление небесного посланца здесь предвосхищается размышлением Александра о том, чему посвятить жизнь: «*Ok hugsaða ek með mér hvárt ek skylda at eins verja þat ríki er faðir minn hafði átt, eða afla mér meira*» («И я думал, должен ли я защитить страну, которой владел мой отец, или добыть себе большую» – *Alexanders saga* 1025. I. 17). Един-

¹² Функционально видение в «Саге об Александре» отличается от снов в исландских сагах, которые могут предвещать беду или удачу (Turville-Petre 1958. P. 93–111; Kelchner 1935. P. 11–16).

ственное, что занимает ум героя, – это вопрос о том, стоит ли ему защищать свои владения или завоевывать новые земли.

В «Алекса́ндреиде» (I. 511–554) рассказ о видении, явленном Александру во время раздумий о судьбе его царства, состоит из нескольких частей: появления света («Я увидел, что все внезапно осветилось ярким светом, и я заметил, как небесное сияние рассеяло мрак ночи и ворвалось в двери, и тени стали дневными»), эмоционального состояния героя («Тогда страх сковал мой разум, и я почувствовал, как пот, спутник страха, начал струиться по моим дрожащим ногам»), подробного описание внешности посланца с небес («в небесных чертогах появилось, если так позволительно говорить человеку, существо благородного вида, облаченное в иноземное одеяние, сотканное из тканей разных цветов, а его украшенный драгоценностями подол доходил до сияющих подошв. Он двигался, как священник, а его голова была покрыта сверкающей повязкой. Золотой лист покрывал его блестящие локоны; в середине его груди волшебным мерцали двенадцать драгоценностей, великолепные в своем сиянии. Его лоб украшала тетраграмма, указывающая своими буквами какое-то имя. Но поскольку этот странный язык был мне неизвестен, то, признаюсь, я не смог прочесть ее. Главу этого высокого гостя венчал тюрбан, а его досточтимые ноги были покрыты сандалиями, застегнутыми на щиколотках»)¹³. Описание внешности и одеяний занимает в «Алекса́ндреиде» основную часть сцены видения и призвано показать аудитории божественное происхождение посланца.

Описание небесного посланца сменяется его речью, обращенной к герою в ответ на его произнесенные вопросы («Если бы он не обратился ко мне первым, то я бы кратко спросил его так: “Кто ты? Чего ты хочешь? Откуда ты явился?”», но он сказал: “О отважнейший из македонцев, оставь границы своих наследственных пределов, и я подчиню тебе всю землю. Но если ты по воле случая увидишь кого-то, похожего на меня, пощади моих людей”»). Первая часть речи посланца содержит обещание Александру, смысл второй части станет ясен герою позднее, когда он вновь встретится с ним в Иерусалиме. Сцена заключается перечислением последствий явления и теми выводами, которые герой делает для себя, выслушав речь посланца («Он сказал это и исчез в вышнем воздухе, и когда он исчезал, то наполнил весь дом чудесным благоуханием. Вот с этим существом, как с предводителем, сильные мужи, с ним, как с вождем, вы и будете участвовать в войне»). Можно заметить, что в «Алекса́ндреиде» сцена видения строго структурирова-

¹³ Сцена видения Александра, описание посланца и рассказ о событиях в Иерусалиме в «Алекса́ндреиде» восходят к «Иудейским древностям» Иосифа Флавия (Jolly 1968. P. 58).

на и состоит из шести частей: введение (строки о небесном сиянии); описание физического и психического состояния героя; детальное изображение посланца; его монолог; последствия явления; заключение – призыв героя к битве, обращенный к соратникам. Основной акцент в сцене видения делается на описании сверхъестественного существа, произносящего пророческую речь, и эмоциональной реакции героя на его появление, которое мотивирует обращение к воинам.

В «Саге об Александре» сцена видения, сокращенная до нескольких строк, состоит из перечисления событий, преимущественно в прошедшем времени: «Kom mikit ok hjart ljós yfir mik. Því ljósi fylgði einn gøfugligr maðr, ef lofat skal mann at kalla. Hann var harðla vel klæddr, ok því líkast sem biskupar þá er þeir eru skryðdir biskupsskrúði» («Великий и яркий свет озарил меня. За этим светом последовал прекрасный человек, если только позволено назвать его человеком. Он был великолепно одет и был похож на епископов, когда они облачены в епископские ризы» – Alexanders saga 1025. I. 17). Как и в «Александрейде», в саге небесное существо не только обещает Александру помощь с персами (Alexanders saga 1925. I. 18)¹⁴, но велит ему покинуть свою родину, ибо ему подчинятся все народы: «Farðu á braut af fóstrlandi þínu, Alexander, því at ek mun allt fólk undir þik leggja» («Поезжай прочь из своего отечества, ибо я подчиню тебе все народы» – Alexanders saga 1925. I. 18)¹⁵. Александру в саге дается обещание почти безграничной власти, однако при одном условии: прежде чем исчезнуть, видение обращается к герою с предупреждением: «Ok ef þú sér mik nokkut sinn þvílíkan sem nú sýnumsk ek þér, þá skaltu þyrma mínum mǫnnum fyrir mínar sakir» («И если ты увидишь меня когда-то, как ты видишь меня сейчас, ты должен пощадить моих людей ради меня» – Alexanders saga 1925. I. 18). После рассказа Александра повествователь добавляет, что то, о чем говори-

¹⁴ Предполагалось, что пророчество о победе над персами имеет параллели с последними видениями пророка Даниила, аллегорически рассказывающими о гибели царей Мидийского и Персидского от руки царя Греции: «И когда он говорил со мною, я без чувств лежал лицом моим на земле; но он прикоснулся ко мне и поставил меня на место мое, и сказал: “вот, я открываю тебе, что будет в последние дни гнева; ибо это относится к концу определенного времени. Овен, которого ты видел с двумя рогами, это цари Мидийский и Персидский. А козел косматый – царь Греции, а большой рог, который между глазами его, это первый ее царь”» (Книга пророка Даниила, 8: 18–22). Ср.: Jolly 1968. P. 58.

¹⁵ Исследователи отмечали, что первая часть видения напоминает заповедь Бога Аврааму в Книге Бытия (12:1–3): «И сказал Господь Авраму: пойдя из земли твоей, от родства твоего и из дома отца твоего [и иди] в землю, которую Я укажу тебе; и Я произведу от тебя великий народ, и благословлю тебя, и возвеличу имя твое, и будешь ты в благословение; Я благословлю благословляющих тебя, и злословящих тебя прокляну; и благословятся в тебе все племена земные». Ср.: Ashurst 2009. P. 272–291.

лось в видении, оказалось исполненным и подтвердилось последующими событиями: «En þessi vitran fekk sína framkvæmd litlu síðar, ok sannaðisk» («Но это видение получило воплощение немного позже и оказалось правдивым» – *Alexanders saga* 1925. I. 18). В подтверждение исполнения того, о чем рассказывалось в видении, приводится эпизод похода на Иерусалим, отнесенный в прошлое (*Alexanders saga* 1925. I. 17–18; *Alexandreis* I. 539–554): когда, покорив Тир, войско Александра приблизилось к Иерусалиму, навстречу разгневанному полководцу вышел первосвященник, облаченный в епископские одеяния¹⁶. К всеобщему изумлению победитель оказал почести первосвященнику и милость городу¹⁷. В саге повествование о прошедших событиях следует за эпизодом видения героя, который, таким образом, тоже оказывается отнесенным к прошлому.

И в «Саге об Александре», и в «Александрейде» сцена видения проливает свет на то, почему Александр пощадил людей Иерусалима (узнавание ведет к послушанию), и обосновывает завоевание новых земель (если в «Иудейских древностях» Иосифа Флавия речь шла о покорении Персии, то в «Александрейде» – о «всей земле», в саге – о «всех народах», «allt fólk»), объясняя аудитории, что победы были дарованы герою всемогущим Богом. Однако в саге изображение эмоций редуцируется, пространные описания (внешности посланца, психофизического состояния героя) сокращаются, монолог сводится к функциональному минимуму, риторические вопросы, авторские комментарии, повторы, детали, которые не служат развитию повествования, пропускаются. Сцена видения в саге фокусируется на изображении событий про-

¹⁶ В «Иудейских древностях» Иосифа Флавия дается описание первосвященника: «Александр еще издали заметил толпу в белых одеждах и во главе ее священников в одеяниях из виссона, первосвященника же в гиацинтового цвета и золотом затканной ризе с чалмою на голове и золотой на ней дощечкой, где было выгравировано имя Господне, и потому один выступил вперед, преклонился пред именем Божиим и первый приветствовал первосвященника» (Иосиф Флавий XI.8.5).

¹⁷ В «Иудейских древностях» Иосифа Флавия Александр объясняет свой поклон иудейскому первосвященнику: «Я поклонился не человеку этому, но тому Богу, в качестве первосвященника которого он занимает столь почетную должность. Этого [старца] мне уже раз привелось видеть в таком убранстве во сне в македонском городе Дии, и, когда я обдумывал про себя, как овладеть мне Азией, именно он посоветовал мне не медлить, но смело переправляться [через Геллеспонт]. При этом он обещал мне лично быть руководителем моего похода и предоставить мне власть над персами. С тех пор мне никогда не приходилось видеть никого в таком облачении. Ныне же, увидав этого человека, я вспомнил свое ночное видение и связанное с ним предвещание и потому уверен, что я по Божьему велению предпринял свой поход, что сумею победить Дария и сокрушить могущество персов и что все мои предприятия увенчаются успехом» (Иосиф Флавий XI.8.5).

шлого: героя озарил свет, явился человек, облаченный в епископские ризы, пообещал подчинить все народы, велел пощадить его людей, Александр помиловал Иерусалим, но разрушил Тир и Газу. Нельзя не заметить функционального различия в эпизодах видения в «Алекса́ндреиде», в которой он служил раскрытию эмоциональной реакции героя и моральному обоснованию его призыва к соратникам, обусловленного профетической речью небесного посланца, и в «Саге об Алекса́ндре», где он используется для репрезентации событий прошлого.

3. «Сага о троянцах» (мифологические имена как средство репрезентации прошлого)

«Сага о троянцах» («Trójumanna saga») основана на утраченном источнике, восходящем к сочинению Дарета Фригийского «О разрушении Трои» («De excidio Troiae historia»). Сага сохранилась в трех редакциях: вариант «А» (XIII в., рукописи AM 176 a fol, AM 176 b fol, NB 184 4to, а также фрагмент AM 598 II a 4to), вариант «В» (ок. 1350 г., рукопись AM 573 4to и фрагмент AM 598 II b 4to; кроме того, списки, сделанные в Швеции с утраченной «Книги Орма» – «Ormsbók»: R 706, Ihre 76, Stock. Papp. 4to nr. 29, Stock. Papp. fol nr. 58) и вариант в «Книге Хаука» («Hauksbók»), составленной исландским писцом Хауком Эрлендссоном (XIV в., рукопись AM 544 4to). Предполагается, что все редакции восходят к одному утраченному тексту, вероятно, сочиненному в XIII в. в Исландии¹⁸.

Редакция «В» и версия саги, включенная в «Книгу Хаука», дополняют текст Дарета произведениями Вергилия, Овидия и латинским пересказом «Илиады» Гомера («Ilias Latina»), из которого заимствуется пересказ сцены Приама у Ахилла и моление Приама о теле Гектора. К «Героидам» (XIII) восходит рассказ о Протесилае, мотивирующий желание Ахилла отомстить за его гибель и его нападение на троянцев. В обе версии к повествованию, восходящему к Дарету, добавлен рассказ о падении Трои, взятый из «Энеиды» Вергилия, – в качестве мотивации победы греков восстанавливается эпизод с Троянским конем. Таким образом несколько смягчается рационализм Дарета, опускающего в своей истории все сверхъестественное (в частности, любые аллюзии на вмешательство олимпийских богов).

¹⁸ Предполагалось, что «Сага о троянцах» была переведена в Норвегии по приказанию короля Хакона Хаконарсона в середине XIII в. (Halvorsen 1959. P. 22–23), однако не сохранилось свидетельств того, что в XIII в. норвежцам было знакомо сочинение Дарета Фригийского, в то время как существование «Всемирной саги» говорит о том, что история Троянской войны, а возможно, и сама история «О разрушении Трои» Дарета была известна в Исландии (Lönnroth 1965. P. 83; Trójumanna saga 1981. P. LII).

Из трех редакций вариант «А» наиболее точно соответствует тексту Дарета Фригийского. Как и латинский источник, текст варианта «А» начинается с изложения истории о Ясоне и Золотом Руне, с которого вспыхнула вражда греков с троянцами, и заканчивается падением Трои. Лаконичный стиль латинского оригинала, его сосредоточенность на развитии сюжета, редкость отступлений и субъективных замечаний полностью соответствуют исконной саговой поэтике. Хотя вариант «А» наиболее последовательно ассимилирует инокультурный текст к канонам исконной традиции словесности, остальные версии тоже обязаны структурой и стилем сагам об исландцах.

Перелагая латинский текст Дарета, создатель «Саги о троянцах» вставляет в свое повествование лаконичные, выразительные, полные скрытой иронии речи героев:

«Og er ei annað rað til það dreingjura duger, enn ganga ut af borginni með allann sinn afla, og beríast til þrautar við Grícki, so anadhvort faum vier fagrau sigur af vorum frækleik eða folium með dreingskap, er það hvortveggja göður hlutur, enn hitt er ögioranda og öhæfilegt að skrija under skegg ovinum vorum og andskotum» (Trójumanna saga 1981. Bls. 68).

«И для истинных воинов нет иного пути, кроме как выйти за границы города со всем своим войском и сражаться с греками до последнего, так что мы или заслужим прекрасную победу своим мужеством или падем со славой. Любое из двух хороший выбор, но чудовищно и немыслимо ползти под бородами наших врагов и недругов».

В приведенных строках сын Приама Амфимах, заступивший на место Троила, обвиняет тех, кто хочет мира, в трусости, используя выразительную скандинавскую идиому «skriða undir skegg» («ползти под бородой») и называя победу или смерть «хорошим выбором». Знаменательно, что в версии Дарета Амфилах не принимает участия в битве, в то время как создатель «Саги о троянцах» добавляет сцену, в которой показывает героя во время боя в безнадежном положении, припертым к стене, окруженным врагами, но продолжающим сражаться, следуя сформулированным им самим выбором.

Создателя саги не интересуют различия в греческих племенах или происхождение греческих вождей, его цель – дать представление о событиях прошлого, изложив историю Троянской войны, используя как прошедшее, так и настоящее историческое время («Nu berr Iason vpp eyrindi sin fyrir konung og segir at hann er sendr eptir reyfinu» «Теперь Ясон сообщает конунгу о своем поручении и говорит, что он послан за

золотым руном» – *Trójumanna saga* 1981. Bls. 11) как средство визуализации событий прошлого. Настоящее историческое время употребляется в повествованиях о битвах, которые создатель саги добавляет к краткому рассказу Дарета: «liösta nu hvorutveggju upp heröpi og tekst nu hord orusta og mikid mannfall, skiota Trojumenn spiötum og órvum, enn kasta griöti og ollu því er til vopna var» («Обе стороны выпускают боевой клич, и начинается ужасная битва и великая бойня, троянцы мечут копья и стрелы, и бросают камни и всё, что можно использовать как оружие» – *Trójumanna saga* 1981. Bls. 30); «verður nu mannfall so mikid að dauðra manna líkj þóktu alla jordina» («теперь там такие большие людские потери, что тела мертвых людей покрывают всю землю» – *Trójumanna saga* 1981. Bls. 49). Подобные описания, отсутствующие в оригинале Дарета Фригийского, находят параллели в сагах об исландцах и в королевских сагах (ср. в гл. 107 «Саги об Олаве сыне Трюггви» по «Кругу Земному»: «В битве рубили мечами, разили копьями и пустили в ход все оружие, какое только было. Одни стреляли из лука, другие бросали руками» – Снорри Стурлусон 1980. С. 143, пер. М. И. Стеблин-Каменского). Используемые в повествовании формы *praesens historicum* актуализируют события прошлого, придавая им почти наглядную выразительность.

В повествовании о прошедших событиях в «Саге о троянцах» используются литоты, которые составляют характерную черту сагового стиля. Так, Гелен, единственный сын Приама, оставшийся в живых после падения Трои, убеждает троянцев не похищать Елену, ибо «munu Gricker það ei þola, og munum vier það þa finna að vier hófum hvorki magt ne stirk saker lidsfióllda og harðfeingis, því mig grunar að vier munum þar firer lata fe frændur og vini vora, og vinum líftid til sæmdar» («греки не потерпят этого, и мы обнаружим, что у нас нет ни мощи, ни силы в численности воинов, ни стойкости. И сдастся мне, что мы тогда лишимся наших владений, родичей и друзей и заслужим себе малую славу» – *Trójumanna saga* 1981. Bls. 14). Употребляя выражение «заслужим малую славу», создатель саги подразумевает значительно более эмоциональное словосочетание «покроем себя вечным позором», которое неизбежно возникает в умах аудитории. Литоты в сагах кажутся несравненно более выразительными, чем любые гиперболы¹⁹, например, в описании реакции Приама на появление греческих кораблей: «Priamus kongur stöð j vígportum með nockra villdar menn sijna, hann sä nu skipaflota þeirra Grickia er nälega var að landi kominn og sijndist ei líftill»

¹⁹ Например, гиперболизированное повествование об исходе сражения в «Саге о троянцах»: «allt hallar golfið flaut j blöði, svo dauðra manna bukar voru af kafi dregner ur blöðinu» («весь пол в палатах плавал в крови, так что тела мертвых людей нырянием вытаскивали из крови» – *Trójumanna saga* 1981. Bls. 75).

(«конунг Приам стоял в боевых вратах с некоторыми своими избранными людьми, теперь он увидел греческий флот, почти достигший земли, и он ему не показался малым» – *Trójumanna saga* 1981. Bls. 28). Литота, употребленная в описании греческой флотилии, которая «не показалась малой» троянскому царю, позволяет составить представление о численности вражеского войска и предвосхитить поражение троянцев, заставляя содрогнуться слушателей.

В сагах редко употребляются сравнения, однако в речи Гектора из «Саги о троянцах» используется выразительное сравнение «*liggja sem kóttur í hreisi*» («лежать, как кот в укрытии»):

«*faid mæ skiolld minn og allann herbunad, mæ eg þad ei vita ad vorer fiandmenn drepi nidur felaga og fostbrædur, og ena bestu dreingi, enn eg ligge her sem kóttur j hreisi og kome j óngvann häska, helldur skulu vorer fiandmenn ad keiptu komast, og firr skal eg falla med dreingskap enn eg hefni eckj vorra felaga og vina*» (*Trójumanna saga* 1981. Bls. 41).

«Поддай мне мой щит и все боевые доспехи, я не могу вынести мысли о том, что наши враги убивают наших соратников и побратимов и даже лучших воинов, пока я здесь лежу, как кот в укрытии, и не встречаю никакой опасности, лучше пусть наши враги приблизятся к моим челюстям, и я скорее паду со славой, чем не отомщу за наших соратников и друзей».

То же сравнение встречается в «Саге об оркнейцах», гл. 26 («*Muntu ok eigi vilja vita þat á þik, at þu liggir her sem kótr í hreysi þar er ek berjumk til frelsis hvarumtveggjum*» – «Ты не захочешь, чтобы узнали о том, что ты лежал здесь, как кот в укрытии, пока я сражался на благо нас обоих») ²⁰. В обеих сагах сравнения используются в сходных контекстах: если в «Саге об оркнейцах» оркнейский ярл Торфинн обращает свою речь к Кальву Арнасону, который не спешит присоединиться к боевому походу; то в «Саге о троянцах» Гектор адресует свой монолог самому себе, сравнивая себя с ленивым котом, нежащимся на печи вдалеке от опасности и шума сражений. Несмотря на латинизированные имена, персонажи не только говорят, но и ведут себя, как герои саг об исландцах, мужественно следуя своей судьбе, храня верность долгу и бесстрашие перед лицом смерти.

²⁰ Параллель с «Сагой об оркнейцах» и ряд других параллелей с сагами об исландцах и королевскими сагами приводятся в: Eldevik 1987. P. 53; «Сага об оркнейцах» цит. по: Orkneyinga saga 1965.

Прошлое в саге соотносится с настоящим при помощи формульного зачина «*Her hefr Tróio manna sogu*» («Здесь начинается сага о мужах Трои» – *Trójumanna saga* 1981. Bls. 1), в котором используется наречие *her*, имеющее, как и в анналах Англосаксонской хроники, не только пространственное («здесь»), но и временное значение («тогда, сейчас, вот»). В «Книге Хаука» «Сага о троянцах» предшествует пролог об истории Крита, излагающий события *до* Троянской войны. В прологе мифологическое прошлое соотносится с Библейской историей:

«Á dögum Jósue, er höfðingi var á Jórsalalandi yfir Gyðinga lýð, eftir Móises, at tilskipan sjálfs guðs, var sá maðr upp fœddr í ey þeirri í Jórsala hafi er Krít heitir, er Satúrnus var kallaðr en vér köllum Frey; hann var ekki ríkr maðr hinn fyrri lut æfi sinnar, en þó var hann vitr maðr ok ráðugr; bróðir hans hét Títan, hann átti marga sunu. Satúrnus var nú vorðinn sva auðigr, ok sva vóx sœmð hans mikit, at þeir tóku hann til konúngs; var hann vinsæll ok örr. Hann lét gullpenning gánga um eyna, ok er sva skjótt vóx sœmð hans, þá kölluðu heiðnir menn þat gullheim er hann réð fyri» (*Trójumanna saga* 1981. Bls. 4).

«Во дни Иисуса, который был предводителем народа иудеев в Йорсалаланде, после Моисея, по замыслу Самого Бога, в Йорсальском море на острове Крит родился человек, звавшийся Сатурном, которого мы называем Фрейр. Он не был богатым в начале жизни, однако был человеком мудрым и умелым. Его брата звали Титаном, у него было много сыновей. Сатурн теперь стал таким богатым и так возросла его слава, что его избрали конунгом, и он был счастлив в друзьях и щедр. Он пустил в обращение по острову золотую монету, и так быстро увеличилась его слава, что тогда язычники называли его владения Гулльхейм».

«Сага о троянцах» начинается с указания на время, когда происходят события прошлого: «в дни Иисуса (Навина. – *И. М.*)», «после Моисея». Олимпийские боги представлены в ней как исторические фигуры отдаленного, но точно датированного прошлого: они жили «в дни Иисуса (Навина)», «после Моисея». Скандинавская мифология представлена в саге как часть мировой истории²¹, благодаря тому, что

²¹ Сходный прием соотношения олимпийских богов со скандинавскими используется и в «Саге об Александре», в которой о Юпитере говорится, что это бог, который на языке читателей саги называется Тором (*Alexanders saga* 1925. XXI. 27–28), упоминается «богиня любви, которая называется Венерой» («*astargyðíunne er Venus heitir*» – *Alexanders saga* 1925. VII. 8). Создатель «Саги об Александре» добавляет пояснения, помогающие читателю лучше понять топографические реалии (например, о Евфрате

олимпийские боги оказываются соотнесенными со скандинавскими богами: «Сатурн, которого мы называем Фрейр», «Юпитер, которого мы называем Тор», «Юнона, которую мы зовем Сив», «Венера, которую мы называем Фрейей», «Минерва, которую мы зовем Фригг». С другой стороны, олимпийские боги, в частности Сатурн, соотносятся с библейскими персонажами, осмысляемыми в Средние века как исторические личности: предводителем еврейского народа в период завоевания Ханаана, Иисусом Навином, и Моисеем, преемником которого, согласно Ветхому Завету был Иисус Навин (ср. «Книгу Иисуса Навина»). Тем самым устанавливается единая универсальная хронология, частью которой становится скандинавская мифология и история.

Представление богов как исторических фигур достигается не только отнесением к определенному периоду Библейской истории, но и соотношением их имен с топонимикой: «во дни Иисуса Навина в Йорсальском море на острове Крит» (Иерусалимским морем называется здесь не Средиземное, но Мёртвое море). Упоминание Крита тоже помогает составителю саги наметить связь между скандинавской и греческой историей и топонимикой («Сатурн, которого мы называем Фрейр, родился на Крите»). В латинской словесности Сатурн ассоциируется с золотым веком мифологического времени, о котором идет речь и в «Энеиде» (Aen. VI. 792–794), и в «Метаморфозах» Овидия (Met. I. 89–90). Создатель саги совмещает «хронологическую» интерпретация мифа о золотом веке с «генеалогической», которую мы находим у Гесиода («золотой род» – χρύσειον γένος). Воплощением золотого века становится в саге Сатурн (или Фрейр): он пускает по острову золотую монету *gullpening*, и его владения превращаются в «золотой мир» (Гулльхейм). Таким образом, хронология в саге соотносится с топонимикой: топоним Гулльхейм, образованный по образцу *Niflheim*, *Muspelheim*, осмысляется здесь как хронотоп («золотой век»). Мифологические сюжеты осмысляются в «Саге о троянцах» как исторические события: создатель саги встраивает историю Троянской войны, Греции и Рима в библейскую историю, перекидывая мостик от библейских персонажей к богам и героям.

В рассказе о походе Язона за золотым руном, который приводит его в дом Приама, отца Александра (или Париса) создатель саги основывается не только на Дарете, но и на «Героидах», «Метаморфозах», латинской Илиаде, и «Энеиде». Множественность источников, вероятно, объясняется стремлением заполнить лакуны и выстроить связное повествование:

сказано, что это одна из четырех рек, вытекающих из Рая – *Alexanders saga* 1925. XX. 6–7), а главное – саму историю Александра Великого.

«Þessir menn ræðust til ferðar með Jason: hinn mikli Erkúles, sun Þórs; Kastor ok Pollox af Sparta, bræðr Eline, er venst var allra kvenna í Girklandi, hana átti Menelaus, ok Klitemestre, er átti Agamemnon; með honum fór ok Nestor hinn spaki or Piló, ok Telamon af Salómína ok Peleus af Figía; eigi eru fleiri menn nefndir. Ok er þeir voru búnir, létu þeir í haf, ok komu síðan við þat land er Frigía heitir; fyri því ríki ræð þá Lamedon, hans sun var Príamus, en dóttir Hesíóna; kona Príamí hèt Hekúba, þeirra synir voru þeir, hinn ágæti Ektor ok hinn fagri Alexandr, er Paris hèt öðru nafni, Deiphebus, Helenus ok Tróilus; doetr þeirra þær Kasandra ok Pólixena ok Tróan; átti Príamus ok laungetna sunu. Príamus ræð þá fyri Tyrklandi einu, meðan Lamedon lifði. Hekúbu dreymði, þá er hon var úraust, at einn logbrandr liði fram af munni hennar, þar fyri þótti henni öll Trójuborg brenna; hon var rædd mjök og sagði Príamó drauminn, en spekingar ræðu svâ, at hon mundi fœða einn sun, þann er fyri hans sakir mundi niðr vera brotin öll Trójuborg» (Trójumanna saga 1981. Bls. 8–9).

«В поход с Ясоном отправились такие мужи: Эркюлес Могучий, сын Тора; Кастор и Поллукс из Спарты, братья Елены, самой красивой из всех женщин в Гиркланде, жены Менелая, и Клитеместры, жены Агамемнона; с ними отправились Нестор Мудрый из Пило, Теламон из Саломины и Пелей из Фигии, более мужей не названо. И когда они приготовились, то поплыли по морю, и прибыли потом к той стране, которая называется Фригией, страной тогда правил Ламедон, его сыном был Приам, а дочерью Гесиона; жена Приама звалась Гекубой, их сыновьями были Эктор Знаменитый и Александр Красивый, у которого было другое имя Парис, Деифоб, Гелен и Троил; дочерьми их были Касандра, Поликсена и Троан. У Приама также были сыновья от тайных жен. Приам правил в одном Тюркланде, пока Ламедон был жив. Гекуба видела во сне, когда была беременна, что из ее рта изверглось пламя, и ей показалось, что оно сожгло весь Тройюборг. Она сильно испугалась и рассказала сон Приаму, а мудрецы сказали, что она родит сына, из-за которого весь Тройюборг будет разрушен».

События прошлого в повествовании о предыстории Троянской войны соотносятся с мифологическими генеалогиями (Приам был сыном Ламедона. Жену Приама звали Гекуба, их сыновьями были Эктор Знаменитый и Александр Красивый, носивший другое имя Парис, Дейфоб, Гелен и Троил), осмысляемыми как исторические. Повествуя о том, как Геркулес отправляется в Спарту навстречу Кастору и Поллуксу, создатель саги объясняет, что люди считали их знатными мужами,

так как старые книги говорят, что «þeir hafi att eina modr ok hetí hon Leda ok veri Þorr fadir Pollucis enn Cedarus fadir Castoris» («они имели одну мать, и она звалась Ледой, и Тор был отцом Поллукса, но Цедарус (Тиндарей. – И. М.) был отцом Кастора»). Героические имена в саге сохраняются в их латинском варианте (Кастор, Поллукс, Геркулес), в то время как имена богов отражаются в скандинавизированной форме (отцом Поллукса называется не Юпитер/Зевс, но Тор); в приведенном фрагменте саги (Trójumanna saga 1981. Bls. 8–9) сыном Тора именуется Эркулес. Таким образом, в «Саге о троянцах» мифологические герои троянского цикла наделяются генеалогическими связями с олимпийскими или скандинавскими богами.

Окончание саги, не имеющее параллелей в латинских источниках (и возможно восходящее к «Роману о Трое» Бенуа де Сен-Мора), говорит о желании ее создателя установить связь между мифом о Троянской войне и историей бриттов:

«Ok er nú yfir farit þá sögu er ágætust hefir verit í veröldunni í heiðni, at allra manna virðingu, þeirra er vitrir eru, ok flestar frásagnir eru kunnar, en her eftir hefir sögu frá Enea, ok þeim er Bretland bygðu» (Trójumanna saga 1981. Bls. 238).

«И сейчас закончена сага, бывшая самой знаменитой в мире во времена язычества по мнению всех мужей, которые мудры и которым известны многие эти рассказы, и вот полсе этого история об Энее и тех, которые поселились в Бритланде».

Объединяя исторические события, связанные с Британскими островами, и мифологический троянский цикл, создатель саги, возможно, предваряет «Саги о бриттах», следующие в «Книге Хаука» за «Сагой о троянцах». Повествование о мифологических героях оказывается подчиненным целям псевдоисторического нарратива.

4. «Сага о римлянах» (прошлое в речах персонажей)

«Сага о римлянах» («Rómverja saga», XII в.)²², которая считается наиболее ранним из переведенных историографических текстов, посвящена повествованию о истории Рима. Сага представляет собой пе-

²² В факсимильном издании «Саги о римлянах» Якоб Бенедиктссон предложил раннюю датировку текста, который «принадлежит к переводам книг по чужеземной “истории”, выполненным в Исландии в конце XII или в начале XIII в. и включающим “Всемирную сагу”, “Саги о бриттах”, “Сагу о троянцах” и другие» (Catilina and Jugurtha 1980. P. 23) и на основании исследования языковых и стилистических особенностей опроверг датировку Р. Майсснера, который считал, что сага была создана во второй половине XIII в. (Rómverjasaga 1910. S. 159–162).

реложение трех текстов: «Югуртинской войны» («Bellum Iugurthinum») и «О заговоре Катилины» («De coniuratione Catilinae») Саллюстия и «Фарсалии» («De Bello civile») Лукана, т. е. двух прозаических и одного поэтического текста (поэмы Лукана). Сочетание этих трех источников в средневековой литературе уникально и встречается только в «Саге о римлянах», которая не распадается на три части, но обладает текстуальной целостностью.

«Сага о римлянах» дошла до нас в двух версиях: старшей и пространной, но плохо сохранившейся (AM 595 a–b 4to) и младшей, краткой (AM 226 fol). Старшая редакция (AM 595 a–b 4to) представляет собой самостоятельный вариант текста, передающий отдельные риторические приемы оригинала в переводе речей персонажей. Младшая редакция (AM 226 fol) включена в ту же рукопись, что и «Сага об Александре», «Сага об иудеях», перевод Ветхого Завета от Книги Бытия до Второй Книги Царств, и составляет часть мировой истории. Она содержит полный вариант текста, однако в нем пропущены слова, предложения, фрагменты текста; речи изложены кратко, риторические приемы оригинала обычно не сохраняются. Повествователь в саге отступает «на задний план» и воздерживается от высказывания суждений о событиях; введение новых персонажей следует исландской традиции именования действующих лиц (герои называются при их первом появлении). Возможно, младшая редакция представляет собой сокращенный вариант первой редакции, созданный с опорой на латинский текст, и ее главная цель состоит в изложении исторических событий.

Вариант «А» представляет собой точный перевод Саллюстия и свободный и сильно сокращенный перевод Лукана. Сага начинается с рассказа о древнейшей истории Рима и о событиях, предшествующих действию «Фарсалии». Излагая события, изображенные в «Югуртинской войне» Саллюстия, создатель саги устанавливает причины и последствия поражения римлян в борьбе против нумидийского царя Югурты. Римское войско, измотанное непрекращающейся войной, находится на краю гибели не только из-за раздоров среди полководцев, но и из-за пособничества врагам должностных лиц, подкупленных Югуртой. Война прекращается лишь с приходом к власти полководца Мария, происходящего не из знати, но из простых людей. Тем не менее симпатии создателя саги не принадлежат ни Марию, который слишком буен и необуздан нравом, чтобы быть идеальным военачальником, ни Метелле, военачальнику из старой правящей аристократии, которому мешает надменность и высокомерие. Автор саги следует за Саллюстием в том, что концентрирует внимание на отдельных наиболее ярких эпизодах римской истории: войне с Югуртой и заговоре римского патри-

ция Катилины. Если Саллюстий анализирует те внутренние силы (продажность знати, затянувшей войну с Югуртой) и моральные причины (падение нравов, преступный нрав Катилины), которые привели гражданское общество от процветания к упадку, и стремится оставить назидание потомкам, то создатель саги стремится выстроить хронологически организованное линейное повествование.

За переводом «Югуртинской войны» Саллюстия следует краткое изложение «Фарсалии» Лукана. Рассказ о войне между Цезарем и Помпеем начинается с перехода Цезаря через Рубикон и заканчивается его пребыванием в Египте. Если у Лукана Цезарь нарисован самыми мрачными красками как родоначальник римских тиранов, то скандинавский переводчик изменяет текст оригинала, убирая наиболее явные нападки на Цезаря, и дает более объективную картину гражданской войны, чем та, которая содержится в «Фарсалии». В саге, в отличие от оригинала, Помпей изображен вполне положительным лицом, в описании же Катона Младшего заметна склонность создателя саги к идеализации. Образ Катона Младшего напоминает стяжавших нетленную славу конунгов, воспетых в скальдических панегириках. Тема вырождения римской знати, присутствующая у Лукана, продолжается в рассказе о заговоре Катилины, в котором, как и в сочинении на эту тему Саллюстия, противопоставлены фигуры Цезаря и Катона Младшего. Здесь не только подробно изображаются главные события и даются описания Катилины и его друзей и врагов, но и вслед за Саллюстием излагаются причины, породившие заговор. После разрушения Карфагена исчезает объединявший римлян страх перед общим врагом. Во время правления Суллы, захватившего власть после гражданской войны с Марием, о котором шла речь в первой части саги, убийства и грабежи становятся вполне привычными. Жажда власти и богатства приводит к возникновению заговора знати во главе с Катилиной. Скандинавский переводчик смягчает критику в описании Катилины, данном Саллюстием, и изображает его не в таких черных красках, как римский историк.

В варианте «В» введение о древнейшей истории Рима сильно сокращено. Повествование в варианте «В» охватывает события, о которых не рассказывается в «Фарсалии», и заканчивается историей гражданской войны между Антонием и Октавианом Августом, победой Августа и Рождеством Христа. На двух листах, предшествующих пересказу «Фарсалии» Лукана, рукой второго переписчика вставлен отрывок о древнейшей истории Рима, заканчивающийся повествованием о Ромуле. Этот фрагмент, очевидно, добавленный к тексту после его окончательной записи, основан на введении к «Фарсалии» Лукана. Стиль саги в варианте «В» близок к классическому стилю саг об исландцах. В ней

отсутствуют риторические фигуры, латинские термины переводятся точно и почти без ошибок, архаизмы и поэтизмы Саллюстия передаются лексическими средствами обычной речи.

Изысканный язык Саллюстия и Лукана, использующих все богатство латинской речи – смелые метафоры, метонимии, перифразы, обилие синонимов, – превращается под пером создателя саги в простой рассказ о событиях. Если в сочинениях Саллюстия сюжет прерывается отступлениями, повествующими о таких событиях, как возникновение римской гражданской общины, о неиспорченных древних нравах, о сравнении Цезаря и Катона, о землях и народах Африки, то скандинавский автор последовательно избегает авторских отступлений, сокращает морализаторские фрагменты в характеристиках персонажей (в частности, говоря о Семпронии, которая происходила из хорошей семьи, состояла в браке, имела детей, была отлично образована, много читала, неплохо танцевала и играла на различных музыкальных инструментах, он не рассказывает о том, что она принимала участие в убийстве, промотала свое состояние и преследовала мужчин, гл. XXV), пропускает описания (например, содержащийся в «Фарсалии» рассказ о Ливийской пустыне, семнадцать видов ядовитых змей, шести смертях от укусов разных пород змей и т. д.), ученые споры (например, об истоках Нила), экскурсии в мифологию (например, о Геркулесе и Антее), исторические очерки (например, историю Рима, гл. V, с помощью которой Саллюстий хотел показать упадок морали в современном ему обществе, но которая, очевидно, показалась скандинавскому редактору не имеющей отношения к рассказу о Катилине).

В сочинениях Саллюстия главное внимание уделяется не столько историческим событиям, сколько их участникам с их достоинствами и пороками. Основным способом раскрытия характеров исторических лиц служат речи, основанные на сохранившихся документах и письмах или вымышленные (Steed 2017. P. 401–441). В младшей редакции «Саги о римлянах» речи персонажей помогают донести исторические события до аудитории и способствуют их воссозданию. Шесть пространственных речей восходят к сочинениям Саллюстия: первые три речи следуют «Заговору Катилины»: речи Цезаря в Сенате (LI. 1–43), Катона в Сенате (LII. 2–36), Катилины перед битвой с Антонием (LVIII. 1–21); еще три речи основаны на «Югуртинской войне»: обращение Мициппы на смертном одре к своим сыновьям (X. 1–8), речь Адгербала в Сенате (XIV. 1–25) и речь Меммия (XXXI. 1–29). Образцом десяти кратких речей служит текст «Фарсалии» (III. 134–140, IV. 344–362, IV. 476–520, V. 319–364, V. 654–671, VI. 319–329, VII. 250–320, IX. 123–145, IX. 190–214, IX. 227–283). Как правило, создатель саги наиболее точно передает начало и конец речей, осно-

ванных на текстах Лукана и Саллюстия, а середину существенно сокращает и перефразирует. Так, он сокращает пространную речь Адгербала, которая в оригинале Саллюстия содержит эмоциональный рассказ о событиях, связанных с судьбой его отца Миципы, и о преступлениях Югурты. Приведем нашедшие отражение в саге фрагменты речи Адгербала из «Югуртинской войны» Саллюстия:

(XIV. 1) «Отцы сенаторы, отец мой Миципа, умирая, велел мне помнить, что только управление Нумидийским царством поручено мне, законная же верховная власть над ним – в ваших руках; в то же время [я должен] стараться и в мирное время, и во время войны быть возможно более полезным римскому народу и видеть в вас своих родных, своих близких: если я буду так поступать, то ваша дружба будет для меня войском, богатствами, опорой царствования. (XIV. 2) Пока я следовал наставлениям своего родителя, Югурта, величайший из всех преступников, каких земля выносит, презрев вашу державу, меня, внука Масиниссы и прирожденного союзника и друга римского народа, лишил царской власти и всего имущества. <...> (XIV. 5) Другие цари либо, побежденные в войне, были вами удостоены дружбы, либо, оказавшись в трудном положении, становились вашими союзниками. <...> (XIV. 6) Не допускайте, отцы сенаторы, чтобы я, потомок нумидийских царей, внук Масиниссы, тщетно просил вас о помощи! Ваших милостей лишили меня, отцы сенаторы, вас презрели, совершив беззаконие по отношению ко мне! <...> (XIV. 10) Пока карфагеняне были в силе, мы неизбежно терпели всяческие жестокости: враги были под боком, вы, друзья наши, вдалеке; вся надежда наша была на оружие. <...> (XIV. 11) И вот Югурта, кичась своей нестерпимой наглостью, преступностью и гордостью, неожиданно убив моего брата и притом своего родственника, сперва завладел его царством, как добычей, затем, не в силах столь же коварно захватить меня, под защитой вашей державы менее всего ожидавшего насилия и войны, он добился того, что я, как видите, лишенный отчего дома, средств и подавленный несчастьями, в любом месте чувствую себя в большей безопасности, чем в собственном царстве. <...> Отец оставил нас, двух братьев; третьего, Югурту, думал он, милости его соединят с нами. Один из братьев убит; я с трудом спасся от нечестивых рук другого брата. (XIV. 15) Что делать мне? Вернее, куда мне, несчастному, обратиться? Всякая защита со стороны моего рода исчезла: <...> близкие, друзья, другие родные погибли одни от одного несчастья, другие от другого: схваченные Югуртой, одни были распяты на кресте, другие брошены диким зверям; немногие, которым сохранили

жизнь, во мраке темниц влчат в горе и слезах существование более тяжкое, чем смерть. <...> (XIV. 18) Наконец, Масинисса внушил нам, отцы сенаторы, что мы должны почитать один только римский народ и не заключать ни новых союзов, ни новых договоров, что крепчайшим оплотом для нас будет дружба с вами; если счастье изменит вашей державе, то погибать нам вместе. <...> (XIV. 25) Отцы сенаторы, ради вас самих, ради ваших детей и родителей, во имя величия римского народа помогите мне в моем несчастье, пресеките беззаконие, не допускайте, чтобы Нумидийское царство, принадлежащее вам, погибало из-за преступлений и кровопролития в нашей семье!» (Саллюстий Гай Крисп 1981. XIV. 47–48. Пер. В. О. Горенштейна).

Нельзя не заметить, что основная цель речи Адгербала в «Югуртинской войне» состоит в том, чтобы создать самое негативное изображение Югурты как величайшего из всех преступников и добиться защиты римского сената. Себя самого Адгербал представляет союзником римского народа и безвинной жертвой происков Югурты, лишившего его царской власти и всего имущества. Как известно, сенату не удалось защитить Адгербала, хотя в Цирту было отправлено посольство, потребовавшее от обоих противников прекращения войны; тем не менее Югурта, не обратив на этот приказ никакого внимания, продолжил осаду Цирты, принудил Адгербала к сдаче, убил его и всех жителей города, захваченных в плен²³. Повышенную эмоциональность речи Адгербала у Саллюстия создают многократные риторические вопросы («Никогда, значит, семья наша не будет знать покоя? Всегда будет она страдать от кровопролития, от меча, от изгнания?»), повторы («ради вас самих, ради ваших детей и родителей»), восклицания («Увы, горе мне! Вот к чему, отец Миципса, привели твои милости: тот, кого ты сделал равным твоим сыновьям и участником в управлении царством, стал губителем твоего рода!»), синонимические ряды («помогите мне в моем несчастье, пресеките беззаконие, не допускайте»), ритмико-синтаксические параллелизмы («одни были распяты на кресте, другие брошены диким зверям»), не продвигающие повествование о прошедших событиях, но призванные потрясти аудиторию и заручиться ее сочувствием к говорящему.

²³ Высказывалось предположение, что, не искажая фактов, связанных с предысторией Югуртинской войны, Саллюстий использует речи персонажей, чтобы передать свои взгляды на продажность римского сената, в частности, речь Адгербала, в которой тот предстает жертвой алчности сенаторов (Parker 2004. P. 410–415).

В младшей редакции «Саги о римлянах» (AM 226 fol) речь Адгербала не только сокращается втрое (1196 слов в оригинале и 376 слов в саге), но и лишается эмоциональности:

«Enn er Adherbal kom þar þá mælti hann “heyrit þer samriddarar feðr míns Micispa konungs. Faðir minn bauð mér á deyjanda degi at ek skylda hafa forsjó fyrir Numidiaríki því at yðvart vald stendr þar yfir, ok jafnan bauð hann mik koma rómverskum lýð at gagni ok standa í stað frenda minna, ok ef ek gerða þat mætta ek at freálu vera konungr í Numidia. Nú gerða ek þetta boð feðr míns, enn Jugurtha tók mik brott af ríki ok öllum auðæfum Masinisse. Enn svá kjærr sem hann er yðr þá er hann hinn mesti glæpamaðr er sólin skínn á ok fyrir utan mjök yðvart ráð. Seait nú í hvert áfelli þer hafit rasat: því at mer sýniz sem réttindin skríði nú í skeiðir enn rangindin effliz ok upp hefiz. því at þer vitit enn æigi hverr Jugurtha vill vera, verðr ek nú nauðigr at sýna yðr mina nauðsyn. Ero þeir flestir höfðingjar at því at eins koma til yðvar at þeir sè sigraðir af yðr í or-rosto ok hafi öngvan annan útveg en at leita miskunnar af yðr; enn vart forellri kom svá til yðvar at þer vart í úfriði við Karthagomenn ok þurftut þer þá þeira fullting. Nú látit mik æigi lengi bíða þurfa yðvars styrks. Ef ek kann æigi hann at fá – er þó nógt at ekki veri til at telja við yðr annat enn mitt vandræði at ek var skömmu ríkr ok konungr enn nú hefir ek látit fè ok frið, frændr ok frelsi, ok ríkit með. Jugurtha drap bróðir minn, frænda sinn, ok gerði hans ríki sèr at herfangi. Hann tók ok mitt ríki ok föðurleifð, enn ek komz nauðuliga undan. Vinir minir ok frændr ero krossfestir, sumir kastaðir í munn óörgum dýrum, en þeir fáir sem lifa ero byrgðir í myrkvastofum svá at þeim er verra líf enn dauði. Nú væri þat allra yðvarra vegsemd at rétta minn luta þar sem allar þjóðir þeóna yðru valid ok óttaz yður stórvirki. Þat kenndi mér Micispa konungr faðir minn at ek skylda öngum þjóna utan Rómverjum ok sagði hann yðr mundu mér vera ærna forstoð í móti mínum úvinum. Heyrit nú stýrendr alls heims! Fyrir krapr ríkiss yðvars ok yðvarn soma, hjálpit mér ok látit mér æigi orð feðr míns at hégóma verða ok látit æigi minnka ríki Numidiemanna um yðra daga, þat er þeir eigu með réttu at hafa, fyrir glæp Jugurthe ok bana várra manna, ok hrindit af oss sterkliga þessu vandræði”» (Rómverja saga 2010. VIII. 118).

«Когда прибыл Адгербал, то сказал: “Послушайте, рыцари моего отца, короля Миципы. Мой отец приказал мне в день своей смерти взять под контроль королевство Нумидии, ибо туда простиралась его власть. И он всегда просил меня быть полезным римскому народу и занять место моих родичей. И если бы я сделал это, я мог бы свободно быть королем в Нумидии. И вот я следовал этому завету отца, но Югурта забрал большую часть

королевства и всех богатств Масиниссы. Как ни дорог он вам, он все же величайший преступник, над которым светит солнце, и он вне ваших законов. Посмотрите теперь, какое бедствие вы навлекли, потому что мне кажется, что справедливость едва вползает в ножны, а несправедливость увеличивается и крепнет, потому что вы еще не знаете, кем хочет быть Югурта. Теперь я вынужден показать вам свои нужды. Большинство военачальников приходят к вам только по той причине, что они потерпели от вас поражение в бою и у них не осталось другого выбора, кроме как просить у вас милости. Потом наш отец пришел к вам, когда вы воевали с жителями Карфагена, и тогда вам была нужна их поддержка. Не заставляйте меня долго ждать вашей помощи, если я ее не получу. Достаточно ли того, что у меня нет другой беды, кроме того, что я до недавнего времени был богатым правителем? Теперь я расстался с деньгами и миром, с родными и свободой, и с этим царством. Югурта убил моего брата, своего сородича, и сделал страну своей добычей. Он также отобрал у меня царство и вотчину. Я едва ушел. Мои друзья и родственники распяты. Некоторые были брошены в пасть диких зверей, но те немногие, кто выжил, спрятаны в темных тюрьмах, так что жизнь для них хуже смерти. Теперь для всех вас было бы славным деянием помочь мне получить то, что мне полагается, потому что все народы служат вашей власти и боятся ваших великих достижений. Король Миципса, мой отец, учил меня, что я не должен служить никому, кроме римлян, и сказал, что вы окажете мне помощь против моих врагов. Теперь слушайте, владыки всего мира, помогите мне силою вашего могущества и вашей чести, и не позволяйте словам моего отца стать для меня клеветой, и пусть царство людей Нумидийских не уменьшится в ваши дни – королевство, которым они должны владеть по праву из-за преступлений Югурты и гибели наших людей. Сбросьте же с меня это бремя”».

В младшей редакции саги начало речи Адгербала перефразировано более полно, чем ее вторая часть, которая лишь кратко суммируется. В речи Адгербала, пересказанной в саге, пропущены все эмоциональные повторы из оригинала Саллюстия и большая часть его риторических вопросов и восклицаний, призванных растрогать сенат. Основная часть речи Адгербала посвящена в саге изложению событий прошлого: смерти отца нумидийского царя Миципсы, убийству Югуртой брата Адгербала Гиеспсала (в 117 г. до н. э.), захвату Югуртой нумидийского царства Адгербала, жесткой казни друзей и родственников Адгербала (они были распяты, брошены в пасть диких зверей, заточены в темных казематах). События прошлого (история римской республики) изображаются в саге

дистанцированно (Würth 2005. P. 164), что подчеркивается при помощи формульных выражений, таких как «sem síðr var Rómverja» («как было у римлян» – Rómverja saga 2010. IX. 352), «eptir síðvenju Rómverja» («согласно обычаю римлян» – Rómverja saga 2010. VIII. 136). Эмоциональность речи в саге значительно снижена, акцент смещается с характеристики персонажей на изложение событий прошлого, которое приобретает самостоятельную значимость как источник сведений о римской истории.

Одним из способов отнесения события в прошлое представляются собственные имена, мифологические имена, топонимы, терминологические обозначения. Латинские топонимы встречаются в различных вариантах (*Hispania, Spania, Hyspania; Girkland, Grecia*) и нередко сопровождаются объяснениями (например, *Numidia* находится на западе Африки). Мифологические имена обычно сохраняются (например, Веста), однако Юпитер неизменно называется Тором, а имя Аполлона заменяется именем Ньёрда. Вариативность собственных имен и топонимов говорит об их неполной укорененности в скандинавской культуре, что предполагает необходимость объяснений (создатель саги считает необходимым пояснить, что Парнас находится в центре мира). Замена латинских терминов на скандинавские (например, консул – «*consul*», обозначение высшей выборной должности в Риме времен республики, – переводится как «*ræðismaðr*», «*hertogi*», «*jarl*»; обозначение члена сената – «*senator*» сохраняется, однако слово сенат – «*senatus*» заменяется на сущ. мн. ч. «*höfðingar*») говорит о стремлении переводчика осмыслить события римского прошлого в контексте скандинавской истории. Создателя саги больше интересует изложение исторических и генеалогических сведений, чем внутренняя жизнь индивидуальных персонажей и даже описание их героических деяний. Все вышеупомянутые особенности делают «Сагу о римлянах» в ее краткой редакции стилистически близкой к сагам об исландцах.

5. «Саги о бриттах» (генеалогия как способ изображения прошлых событий)

С «Сагой о троянцах» (с вариантом «В») в рукописях объединяются «Саги о бриттах» («*Breta sögur*»), восходящие к «Истории королей Британии» («*Historia Regum Britanniae*», ок. 1136 г.) Гальфрида Монмутского, в переложение которой инкорпорированы фрагменты из других источников. Подобно «Саге о троянцах», «Саги о бриттах» тоже сохранились в двух редакциях: более полной (в рукописях AM 573 4to, XIV в., и Stock. Papp. fol nr. 58, копии XVII в. с утраченной «Книги Одда Сноррасона», XIV в.) и сокращенной в «Книге Хаука» («*Hauksbók*», рукопись

AM 544 4to, 1302–1310 гг.), составленной исландским законоговорителем Хауком Эрлендссоном. Краткая редакция, включенная в «Книгу Хаука», содержит много ошибок, вероятно, появившихся в результате сокращения. Окончание саги, отсутствующее в других рукописях, изложено в «Книге Хаука» особенно сжато. Кроме того, «Книга Хаука» пострадала от времени, в частности, от неудачных попыток реставрировать ее в XV в., что делает понимание некоторых фрагментов текста затруднительным. Пространная редакция тоже сохранилась не полностью: в Стокгольмской рукописи (Stock. Papp. fol nr. 58) текст обрывается на середине, что соответствует кн. 5 «Истории» Гальфрида. В рукописи AM 573 4to есть несколько лакун, а ее окончание содержит «Прядь о Вальвене (Вальвере)» (из «Саги о Парсевале»), следующую за рассказом о смерти короля Артура (ср. кн. 11 в «Истории» Гальфрида). Фрагмент саги, плохо сохранившийся и местами не поддающийся прочтению, но более подробно излагающий сюжет, чем все известные источники, включен в исландскую рукопись, найденную в 1968 г. в Дублине и до сих пор неопубликованную.

Насколько можно судить по уцелевшим редакциям, сага начинается с изложения истории Энея и Турна, прямо или косвенно заимствованной из «Энеиды» Вергилия. Продолжение рассказа восходит к заключительным главам редакции «В» «Саги о троянцах». В «Книгу Хаука» включены также краткий каталог, в котором перечисляются уэссекские короли от Кэadwalла до Этельстана, и поэма «Прорицание Мерлина» («Merlínussprá»), свободное переложение «Пророчества Мерлина» («Prophetiae Merlini»), сочиненного раньше «Истории» Гальфрида, но добавленного в нее как часть кн. 7. «Прорицание Мерлина» приписывается в «Книге Хаука» исландскому монаху Гуннлаугу Лейвссону из Тингэйрара (ум. 1218/1219 г.). Вероятно, Гуннлауг привлек внимание к «Истории» Гальфрида своим переводом «Прорицания Мерлина», что сделало возможным ее последующий перевод в Скандинавии.

Очевидно, интерес к «Истории» Гальфрида и его выбор в качестве оригинала для перевода связан с возможностью интерпретации этого труда как источника сведений об исландской и скандинавской предыстории: Гальфрид сообщает, что король Туле сражался на стороне короля Артура, которому подчинились Оркнейские острова, Норвегия, Готланд и Дания (Würth 2005. P. 166). Сочинение Гальфрида допускало возможность соотнесения троянских правителей с норвежскими королевскими династиями, т. к. один из первых норвежских конунгов Хакон, сын Харальда Прекрасноволосого, был воспитанником уэссекского короля Этельстана:

«Eftir hann ríkti iatvard svn hans .ííj. ar .xx. Eftir hann aðalftein goði xi. ar xx. vi. vikvr þri daga hann foftredi hakon svn haralz konvngs» (Black 2014. Bls. 94)²⁴.

«После него правил его сын Эдуард двадцать четыре года. После него правил Этельстан Добрый двадцать девять лет, шесть недель и три дня. Он воспитал Хакона, сына конунга Харальда Прекрасноволосого».

В отличие от Гальфрида, проявляющему наибольший интерес к королю Артуру (ему посвящена примерно четверть всего текста), исландский переводчик уделяет равное внимание всем британским королям. Имена родства отсылают аудиторию как к недавнему прошлому персонажей, так и к более отдаленному, превращая генеалогию в важнейшее средство репрезентации прошлого в саге. Временные планы мифологического прошлого соотносятся в «Саге о троянцах» и в «Саге о бриттах» с историческим прошлым (история Крита, предшествующая Троянской войне и разделенная на золотой век Сатурна = Фрейра, серебряный век Юпитера = Тора, осада и падение Трои, бегство Энея, изгнание Брута в Британию, трагедия Лира и Кордейлы, вторжение Юлия Цезаря в Британию, Вортигерн и саксы, король Артур и Мордред, возвращение саксов). Хронологическая последовательность изложения позволяет рассматривать «Саги о бриттах», совмещающие мифологическое и историческое прошлое, как продолжение «Саги о троянцах», сосредоточенной на репрезентации мифологического прошлого.

* * *

Если первые исландские историографические сочинения, созданные в XII–XIII в. («Landnámabók» и «Íslendingabók»), изображают прошлое Исландии после ее заселения, то псевдоисторические саги, созданные в то же время и сохранившиеся в тех же рукописях (например, в «Книге Хаука»), повествуют об отдаленном, неисландском прошлом. В свободных переложениях латинских историографических оригиналов прошлое изображается как последовательность исторических событий (или событий, полагавшихся историческими) в линейной последовательности при помощи форм прошедшего и настоящего исторического

²⁴ До сих пор не существует отдельного издания «Саги о бриттах», за исключением публикации Йоуна Сигурдарсона фрагментов из «Книги Хаука» с вариантами из рукописи AM 573 4to, снабженных датским переводом, в «Annaler for nordisk Oldkyndighed og Historie» (Trójumanna saga ok Breta Sögur 1848. S. 103–215; 1849. S. 1–145), а также диссертации Р. К. Блэка (Black 2014), из которой приводятся примеры в данной статье.

времени. В «Саге об Александре» вводится новый способ изображения исторических событий при помощи видений; в «Саге о римлянах» в качестве основного средства репрезентации прошлого применяются речи персонажей, которые используются в функции характеристики персонажей в латинских оригиналах. История в псевдоисторических сагах генеалогизируется (в «Сагах о бриттах» в качестве способа изображения прошлых событий употребляется генеалогия), хронология осмысливается как топонимика, события мифического и исторического прошлого соплагаются с событиями Библейской и Античной истории, античные божества скандинавизируются (в «Саге о троянцах» мифологические имена используются как средство репрезентации прошлого). Хронологическая последовательность изложения позволяет рассматривать «Сагу об иудеях», «Сагу об Александре», «Сагу о троянцах», «Сагу о римлянах» и «Саги о бриттах» как единую мировую историю, объединяющую мифологическое и историческое прошлое.

Стремлением охватить единым замыслом всю мировую историю как историю Спасения рода человеческого, вероятно, обусловлено создание исландской «Всемирной саги» («*Veraldar saga*»). Название саги дано ее первым издателем Конрадом Гисласоном (Konráð Gíslason 1860). Сага сохранилась в двух редакциях: вариант «А», дошедший до нас в рукописи AM 625 4to (нач. XIV в.) и вариант «В», содержащийся в нескольких фрагментах, наиболее древний из которых датируется XII в. Полный текст варианта «В» представлен рукописями, созданными ок. 1600 г. и позднее. Варианты саги различаются стилистическими и языковыми особенностями. Вариант «В» содержит аллегорические объяснения, которыми сопровождается повествование в первых пяти частях, в варианте «А» аллегорические пояснения отсутствуют.

Композиция саги включает шесть частей, соответствующих Шести Векам: повествование о потомках Адама и Ноевом ковчеге сменяется изложением иудейской истории (от Фарры и его сына Авраама, царя Саула и царя Давида, истории библейского пророка Елисея до вавилонского пленения), а затем рассказом о греках, троянцах и римлянах и правлении императора Августа. Последняя часть саги повествует о Рождестве Христа и охватывает период до императора Фридриха Барбароссы. В описании Первых Веков сага основывается на «Этимологиях, или Началах» Исидора Севильского и «Церковной истории народа англвов» Беды Достопочтенного, дополняя эти сочинения Священным Писанием, комментариями к Библии и другими, не всегда известными нам источниками²⁵. В рассказе об истории Рима создатель «Всемирной

²⁵ К дополнениям в варианте «А» следует отнести интерполяцию о первых четырех вселенских соборах (Никейском, Константинопольском, Эфесском, Халкидон-

саги» опирается на другие псевдоисторические саги, в частности, на «Сагу о троянцах» и «Сагу о римлянах»²⁶, а также на сочинение «О разрушении Трои» Дарета Фригийского²⁷. Источник последних частей «Всемирной саги» неизвестен: возможно, создатель саги основывался на средневековых немецких анналах и хрониках. Последняя историческая справка, содержащаяся в саге, касается похода на Рим короля Лотаря II в 1137 г.; время его правления указано в варианте «А» неточно, в варианте «В» в этом месте лакуна. Возможно, первоначальный вариант саги заканчивался рассказом о правлении Лотаря II, упоминания же о Конраде III и Фридрихе Барбароссе были добавлены исландским переписчиком позднее вместе со вставками из «Саги о римлянах», «Саги о троянцах» и из сочинения «О разрушении Трои» Дарета Фригийского. Исландское переложение, очевидно, создано до 1190 г., т. е. до окончания правления Фридриха Барбароссы, последнего германского императора, упомянутого в саге. В качестве создателя «Всемирной саги» называлось имя исландского законоговорителя (1181–1200 гг.) Гицура Хальссона, чье имя встречается в тексте (в варианте «В»): «император Конрад был императором в то время, когда исландец Гицур Хальссон путешествовал на юг, а Фридрих Барбаросса правит и по сей день»²⁸. Создатель саги не только охватывает своим повествованием все наиболее важные исторические события, начиная со дня Творения до конца XII в., но и включает в него упоминание о исландском годе Гицуре наряду с греками, троянцами, римлянами, каролингскими императорами и Гогенштауфенами.

Хотя события прошлого (римской, троянской, британской истории), отделены от настоящего четко осознаваемой временной дистан-

ском) и о пяти главенствующих патриархах (римском, константинопольском, александрийском, антиохийском, иерусалимском), а также начало перечня римских пап. Эти дополнения, очевидно, содержались в оригинальной версии саги, некоторые из них интерполированы также и в вариант «В».

²⁶ Предполагалось, что «Всемирная сага» и «Сага о римлянах» восходят к латинским оригиналам: сочинениям Саллюстия и Лукана (Þorbjörg Helgadóttir 1994–1997. P. 203–220), однако Д. Хоффманом были выделены параллели между «Всемирной сагой» и «Сагой о римлянах» (Hofmann 1986. P. 121–151).

²⁷ В издании «Всемирной саги» Якоб Бенедиктссон отмечает, что в ней содержится фрагмент о Троянской войне, который восходит к сочинению Дарета, однако некоторые изменения в тексте говорят о том, что создателю саги была известна «Сага о троянцах»: число кораблей греческого флота во «Всемирной саге» (1183) ближе к числу кораблей в редакции «В» «Саги о троянцах» (1183), чем к числу кораблей у Дарета (1130, в редакции «А» «Саги о троянцах» указывается число 1293) (Veraldar saga 1944. P. xlvi–xlviii).

²⁸ Конрад III правил Германией с 1138 по 1152 г. и был дядей Фридриха Барбароссы, короля Германии и императора Священной Римской империи с 1155 г. до 1190 г.

цией, они соотносятся с историей Исландии, которая тем самым оказывается включенной в мировую историю, восходящую к античности. Благодаря переводам латинских историографических сочинений исландские законоговорители оказываются вовлеченными в мировую историю, подобно норвежским конунгам, которые в свою очередь связываются с англосаксонскими правителями, возводящими свое происхождение к троянцам. Множественность источников, очевидно, объясняется стремлением создателей псевдоисторических саг заполнить лакуны в повествовании и выстроить хронологически последовательное изложение событий, значимых для скандинавской и британской истории. С этой целью переложение Дарета в «Книге Хаука» дополняется фрагментами Вергилия, Овидия, латинского пересказа «Илиады» Гомера («*Ilias Latina*»), а переложение Гальфрида – каталогом уэссекских королей от Кэдвалла до Этельстана и «Прорицанием Мерлина», приписываемым Гуннлаугу Лейвссону. Наиболее семантически важной можно считать интерполяцию в «Сагах о бриттах» о уэссекском короле Этельстане, взявшем на воспитание Хакона (будущего короля Норвегии Хакона Доброго), сына Харальда Прекрасноволосого, многочисленные отпрыски которого стали героями саг об исландцах. Можно предположить, что функции интерполяции состояли в соотнесении скандинавской истории с историей Британии, а династии правителей Норвегии с англосаксонскими королями, и следовательно, легитимизации власти первых в Скандинавии и на Британских островах.

Вероятно, «Сага о троянцах» и «Саги о бриттах», включенные в рукопись «Книги Хаука», были призваны обеспечить для Исландии и Британии (жители которой считали себя происходящими от Брута, потомка Энея) то же происхождение, что и для граждан римской империи, которая, как писал Вергилий, восходила к Трое. Интерес к троянской истории в Средние века, о котором свидетельствует, в частности, рассказ о происхождении Тора, Одина и асов из Трои в Прологе к Снорриевой Эдде²⁹, объясняется существованием традиции возведения к

²⁹ В прологе «Младшей Эдды» рассказывается: «Вблизи середины земли был построен град, снискавший величавую славу. Он назывался тогда Троя, а теперь Страна Турков. Этот град был много больше, чем другие, и построен со всем искусством и пышностью, которые были тогда доступны. Было там двенадцать государств, и был один верховный правитель. В каждое государство входило немало обширных земель. В городе было двенадцать правителей. Эти правители всеми присущими людям качествами превосходили других людей, когда-либо живших на земле. Одного конунга в Трое звали Мунон или Меннон. Он был женат на дочери верховного конунга Приама, ее звали Троан. У них был сын по имени Трор, мы зовем его Тором» (Младшая Эдда 1970. С. 12, пер. О. А. Смирницкой). Как писал М. И. Стеблин-Каменский, «рассказ о происхождении Одина и асов из Трои аналогичен рассказам некоторых средневеко-

ней королевских генеалогий (Младшая Эдда 1970. С. 224; Würth 1998. S. 148; Svanhildur Óskarsdóttir 2000. P. 146). В отличие от саг об исландцах в псевдоисторических сагах рассказывается о прошлом, которое было общим для народов Европы. Идея *transaltio imperii*, стремление стать частью мировой истории было заимствовано в Исландии так же, как и на Британских островах: устанавливая троянское происхождение, исландцы приобщались не только к древним римлянам, но и к англам, саксам, франкам, обеспечивая себе положение не на периферии истории, но в ее геополитическом центре. Так, осуществляющие рецепцию европейского культурного наследия и его идею о чужеземном происхождении переводы иноязычных текстов, в которых мифологическое прошлое было осмыслено как историческое прошлое, в сущности, способствовали созданию нового мифологического прошлого. Интерес составителей псевдоисторических саг к мировой истории, обусловивший разнообразие средств репрезентации прошлого, вызван их стремлением установить культурную связь между мифологическим прошлым европейских народов, считающих себя потомками троянцев, и историческим прошлым Исландии.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Бондарко А. В.* Вид и время русского глагола (значение и употребление). М.: Просвещение, 1971. [*Bondarko A. V.* Vid i vremya russkogo glagola (znachenie i upotreblenie) (Aspect and Tense of the Russian Verb (Meaning and Usage)). Moscow: Prosveshschenije, 1971.]
- Иосиф Флавий.* Иудейские древности / Пер. с древнегреч., примеч. Г. Г. Генкеля. Т. 1. Кн. 1–12. М.: АСТ; Ладомир, 2002. [*Iosif Flavij.* Iudejskie drevnosti (*Josephus Flavius.* Antiquities of the Jews) / Per. s drevnegrech., primech. G. G. Genkelya. T. 1. Kn. 1–12. Moscow: AST; Ladomir, 2002.]
- Младшая Эдда / Пер. О. А. Смирницкой, ред. М. И. Стеблин-Каменского. Л.: Наука, 1970. [*Mladshaya Edda* (Snorra Edda) / Per. O. A. Smirnickaja, red. M. I. Steblin-Kamenskij. Leningrad: Nauka, 1970.]
- Падучева Е. В.* К интерпретации видо-временных форм в нарративном режиме: настоящее историческое // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. 2010. Вып. 9 (16): По материалам ежегодной международной конференции «Диалог» (Бекасово, 26–30 мая 2010 г.). С. 375–381. [*Paducheva E. V.* K interpretacii vido-vremennyh form v narrativnom rezhime: nastoyashchee istoricheskoe (On the Interpretation of Species-

вых историков о происхождении того или иного европейского народа (а именно – франков, саксов, норманнов, бритов) от троянцев» (Там же. С. 224).

- Temporal Forms in the Narrative Mode: The Present Historical) // *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii*. 2010. Вып. 9 (16): По materialam ezhegodnoj mezhdunarodnoj konferencii «Dialog» (Bekasovo, 26–30 мая 2010 г.). S. 375–381.]
- Снорри Стурлусон*. *Круг Земной* / Изд. подг. А. Я. Гуревич, Ю. К. Кузьменко, О. А. Смирницкая, М. И. Стеблин-Каменский. М.: Наука, 1980. [*Snorri Sturluson. Krug Zemnoj (Heimskringla)* / Ed. A. Ja. Gurevich, Ju. K. Kuzmenko, O. A. Smirnitskaja, M. I. Steblin-Kamenskij. Moscow: Nauka, 1980.]
- Саллюстий Гай Крисп*. *Сочинения* / Пер., статья и комм. В. О. Горенштейна. М.: Наука, 1981. [*Gaius Sallustius Crispus. Sochineniya (Opera)* / Ed. V. O. Gorenstein. Moscow: Nauka, 1981.]
- Alexanders saga: Islandsk Oversættelse ved Brandr Jónsson (Biskop til Hólar 1263–64) udgiven af Kommissionen for det Arnarnagnaanske Legat / Udg. Finnur Jónsson. København, 1925.
- Alexanders saga: The Arna-Magnaean Manuscript 519a 4to / Udg. Jón Helgason (Manuscripta Islandica; 7). København, 1966.
- Alexanders Saga: AM 519a 4to in the Arnarnagnaean Collection, Copenhagen / Udg. A. de Leeuw Weenen. Copenhagen: Museum Tusulanum Press, 2009.
- Ashurst D. Bleikir Akrrar – Snares of the Devil? The Significance of the Pale Cornfields in Alexanders saga // *Saga-Book of the Viking Society*. 1999. Vol. 25. P. 272–291.
- Ashurst D. The Ethics of Empire in the Saga of Alexander the Great: a study based on MS AM 519a 4to. Reykjavík: Bókmenntafræðistofnun Háskóla Íslands, 2009.
- Ashurst D., Vitti F. Alexander Literature in Scandinavia // *A Companion to Alexander Literature in the Middle Ages* / Ed. D. Zuwiyya (Brill's Companions to the Christian Tradition; 29). Leiden: Brill, 2011. P. 315–322.
- Black R. C. Breta sögur from AM 544 4to: an Edition and Translation. University of Washington, 2014.
- Catilina and Jugurtha by Sallust and Pharsalia by Lucan in Old Norse: Rómverja saga: AM 595a–b 4to / Udg. Jakob Benediktsson (Early Icelandic Manuscripts in Facsimile; XIII). Copenhagen: Rosenkilde and Bagger, 1980.
- Cross J. A. The World's Saga: An English Translation of the Old Norse Veraldar saga, a History of the World in Six Ages. Reykjavík: Háskóli Íslands, 2012 (MA thesis).
- Eisenhut W. Spätantike Troja-Erzählungen. Mit einem Ausblick auf die mittelalterliche Troja-Literatur // *Mittelateinisches Jahrbuch*. 1983. Bd. 18. S. 1–28.
- Eldevik R. The Dares Phrygius Version of Trójumanna saga: A Case Study in the Cross-Cultural Mutation of Narrative. PhD diss. Harvard University, 1987.

- Galteri de Castellione*. Alexandreis / Ed. M. L. Colker. Padua: In aedibus Antenoreis, 1978.
- Gropper S.* Breta Sögur and Merlínússpá // The Arthur of the North: The Arthurian Legend in the Norse and Rus' Realms / Ed. M. Kalinke. Cardiff: University of Wales Press, 2011. P. 48–60.
- Gyðinga saga: en bearbejdelse fra midten af det 13. årh. Brandur Jónsson, Bishop of Hólar / Udg. Guðmundur Þorláksson. København: S.L. Møllers bogtrykkeri, 1881.
- Gyðinga saga / K. Wolf gaf út. Reykjavík: Stofnun Árna Magnússonar á Íslandi, 1995.
- Halvorsen E. F.* The Norse Version of the Chancon de Roland (Bibliotheka Arnamagneana; XIX). København: E. Munksgaard, 1959.
- Hofmann D.* Accessus ad Lucanum: Zur Neubestimmung des Verhältnisses zwischen Rómverja saga und Veraldar saga // Sagnaskemmtun: Studies in Honour of Hermann Pálsson / Ed. by R. Simek et al. Wien; Köln; Graz: Hermann Böhlau Nachf., 1986. S. 121–151.
- Jolly W. Th.* The Alexandreid of Walter of Chatillon. A Translation and Commentary. Dissertation Tulane University, 1968.
- Kelchmer G. D.* Dreams in Old Norse Literature and Their Affinities in Folklore. Cambridge: Cambridge University Press, 1935.
- Konráð Gíslason.* Fire og Fyrretyve for en Stor deel Forhen Utrykte Prøver af Oldnordisk Sprog og Literatur. Kaupmannahöfn: Gyldendalske boghandling, 1860.
- Lönnroth L.* Det litterära porträttet i latinsk historiografi och isländsk sagaskrivning – en komparativ studie // Acta Philologica Scandinavica. 1965. Bd. 27. H. 1–2. S. 68–117.
- Middel K. P.* Alexanders Saga: Classical Ethics in Iceland's Alexander Epic // Viator. 2014. Vol. 45 (1). P. 121–148.
- Orkneyinga saga / Finnbogi Guðmundsson gaf út (Íslenzk fornrit; 34). Reykjavík: Hið Íslenzka Fornritafélag, 1965.
- Parker V.L.* Romae Omnia Venalia Esse. Sallust's Development of a Thesis in the Prehistory of the Jugurthine War // Historia. 2004. Vol. 53. P. 408–423.
- Patzuk-Russell R.* Places, Kings, and Poetry: The Shaping of Breta sögur for the Norse Corpus. Reykjavík: Háskoli Íslands, 2012 (Unpublished MA thesis).
- Rómverjasaga / Hrsg. R. Meissner (Palaestra; LXXXVIII). B., 1910.
- Rómverja saga / Þorbjörg Helgadóttir gaf út. Reykjavík: Stofnun Árna Magnússonar í íslenskum fræðum, 2010. 2 vols.
- Steed K. S.* The Speeches of Sallust's "Histories" and the Legacy of Sulla // Historia: Zeitschrift für alte Geschichte. 2017. Bd. 66, H. 4. P. 401–441.

- Svala Lind Birnudóttir*. Rómverja saga: an Introduction and Translation. University of British Columbia, 2017 (unpublished MA thesis).
- Svanhildur Óskardóttir*. Universal History in Fourteenth-century Iceland, Studies in AM 764 4to. PhD diss. L.: University College London, 2000.
- Trójumanna saga ok Breta Sögur, efter Hauksbók med dansk oversættelse / Udg. Jón Sigurðsson // *Annaler for nordisk oldkyndighed og historie*. 1848. S. 103–215; 1849. S. 1–145.
- Trójumanna saga / Udg. J. Louis-Jensen (Editiones Arnarnagæanæ. Series A; 8). København: E. Munksgaard, 1968.
- Trójumanna saga: the Dares Phrygius version / Udg. J. Louis-Jensen. Copenhagen: C. A. Reitzel, 1981.
- Tryggvi Fórhallsson*. Brandur Jónsson biskup a Hólum // *Skirnir*. 1923. Bd. 97. Bls. 1–22.
- Turville-Petre G.* Dreams in Icelandic Tradition // *Folklore*. 1958. Vol. 69. P. 93–111.
- Veraldar saga / Udg. Jakob Benediktsson. København: Samfund til udgivelse af gammel nordisk litteratur, 1944.
- Wolf K.* The Sources of Gyðinga saga // *Arkiv för nordisk filologi*. 1990. Bd. 105. P. 140–155.
- Würth S.* Der "Antikenroman" in der isländischen Literatur des Mittelalters: eine Untersuchung zur Übersetzung und Rezeption lateinischer Literatur im Norden (Beiträge zur nordischen Philologie; 26). Basel: Helbing & Lichtenhahn, 1998.
- Würth S.* Historiography and Pseudo-History // *A Companion to Old Norse-Icelandic Literature and Culture* / Ed. by R. McTurk. Malden; Oxford; Victoria: Blackwell Publishing, 2005. P. 155–172.
- Þorbjörg Helgadóttir*. On the Sources and Composition of Rómverja saga // *Saga-Book of the Viking Society*. 1994–97. Vol. 24. P. 203–220.

Информация об авторе

Инна Геральдовна Матюшина
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник ИВГИ имени Е.М. Мелетинского РГГУ

Российская Федерация, 125993,
г. Москва, Миусская пл., 6
e-mail: I.Matyushina@exeter.ac.uk

Information about the author

INNA G. MATYUSHINA
Dr. Sc. (Phil.), Leading Researcher of the Meletinsky Institute for Advanced Studies in the Humanities, Russian State University for the Humanities
Russian Federation, 125993, Moscow, Miusskaya Ploshad, 6
e-mail: I.Matyushina@exeter.ac.uk